

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АННА БЕЛИНСКАЯ

18+

... ВСЕХ ТВОИХ
ДЕМОНОВ

СВЯЗАНЫ
сесонницей

Анна Белинская

Связаны бессонницей

<https://litres.ru/73911859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — человек с безупречной репутацией и тенью прошлого. Мужчина, с которым не спорят.

Она — художница, привыкшая жить тихо и незаметно, и та, кто случайно оказалась слишком близко. Слишком упрямая. Слишком живая.

Их миры не должны были пересечься.

Но бессонные ночи сближают сильнее любых обстоятельств.

Между ними — притяжение, которое невозможно игнорировать. Тайны прошлого. Опасные игры.

18+. Эмоционально. Искренне. Без жестокости. Сильная героиня. Неидеальный герой

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	7
Глава 2.	14
Глава 3.	25
Глава 4.	30
Глава 5.	38
Глава 6.	46
Глава 7.	60
Глава 8.	66
Глава 9.	75
Глава 10.	86
Глава 11.	94
Глава 12.	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Анна Белинская

Связаны бессонницей

Пролог

Между кошмаром и бессонницей
я выберу второе...

...Он смотрит на меня с недоумением. Серую радужку затянуло зрачком, и теперь его глаза как две бездонные черные дыры. В них нет страха и никогда не было, ведь у его незыблемой уверенности в собственном безнаказанном всемогуществе слишком прочные корни.

Мои руки висят вдоль тела, пока неподвижно стою в паре-тройке метров от него. Оголенные предплечья облизывает сквозняк, тянущийся от разбитого окна и не разбавляющий характерного тяжелого, железистого запаха крови. Ее много: на полу, усеянном стеклом и осколками битой посуды, на его футболке, на ее теле...

Он беспомощно мычит между судорожными бесполезными вдохами, не приносящими облегчения, и медленно переводит злой взгляд с ингалятора, в который упирается носок моего потрёпанного кроссовка, на меня. Забавно — его спасение в моих руках, и мне всего лишь нужно подать ему ле-

карство. Тогда он сможет дышать.

Я слышу свист, когда он делает очередной вдох. На его шее набухли вены, а кожа лица приняла синюшный оттенок. Это статус¹.

— М-м-м... — обессиленно приподняв руку, он ладонью показывает на ингалятор.

Хочется жить, да, ублюдок? И она хотела... Они обе хотели!

Сжимаю кулаки, чувствуя, как мечется в горле пульс, и не двигаюсь с места.

Свистяще откашлявшись, он поднимает ко мне лицо, искаженное уродливой насмешливой гримасой.

Даже сейчас, когда его ничтожная гнилая жизнь висит на тонком волоске, он продолжает провокационно смеяться мне в лицо, потому что уверен — я не смогу ничего сделать.

Миллион раз мне представлялось, как смыкаю ладони на его шее или подливаю ему в чай яд...

Он скалится, растягивая в ядовитой усмешке сухие потрескавшиеся губы, а потом они едва заметно шевелятся, выстраивая ненавистно знакомый ряд из жалящих слов — «Ни. На. Что. Не. Способное. Ничтожество».

Ни на что не способное ничтожество!

Ни на что не способное ничтожество!

¹ *Астматический статус* — тяжёлое, угрожающее жизни осложнение бронхиальной астмы, возникающее обычно в результате длительного не купирующегося приступа.

Но не в этот раз...

Задержав дыхание, я пинаю ингалятор в дальний угол комнаты, а потом, врезавшись ногтями в ладони, заставляю себя посмотреть ему в глаза. Теперь в них страх. Впервые в жизни ему страшно. Впервые в жизни не страшно мне...

Щелчок.

Вздрагиваю.

Просыпаюсь.

Глава 1.

Женя

— Слушай, ты на диете, — глядя сверху вниз, напомнила Джеку, волочащему брюхо по полу.

Кот уставился на меня умоляюще-жалостливым карим глазом. Этот трюк он проворачивал каждый раз, когда хотел жрать, а жрать он хотел постоянно.

У Джека было сложное детство. И я, как никто другой, его понимала и старалась обеспечить ему комфортную жизнь хотя бы сейчас. Его прошлая жизнь — сплошные потери — начиная с левого глаза, который у Джека отсутствовал, заканчивая совестью. Теперь эта хитрая зажавшаяся морда вертела мной как индейкой на вертеле, и я каждый раз велась у него на поводу.

Закатив глаза, я полезла в навесной шкаф и заглянула внутрь.

— Ты — кошмарный манипулятор, Джек, — сообщила коту, начавшему от предвкушения нетерпеливо мяукать, и осмотрела полки, заставленные консервными банками с разными кошачьими деликатесами.

Этот проныра питался лучше, чем я. Его рацион — правильно сбалансированные блюда, на которые уходила четверть моей зарплаты.

Я подобрала Джека котенком. Услышала задушенный

писк и не смогла пройти мимо, когда увидела, как рыжий облезлый комок сражался за жизнь, держась передними лапами за край скамейки и вися над грязной лужей. Почему-то в тот момент он напомнил мне Джека из «Титаника», когда тот был по плечи в студеной воде и держался за льдину.

Мой глаз упал на чечевичный паштет. Самое то на ночь глядя. Легкий, низкокалорийный, но сытный.

Джек от нетерпения изнемогал, терся об меня, поторапливая, перекатывался через мои ноги, потому что едва мог ходить, но как только я вскрыла банку, пулей вылетел из кухни, словно не он сейчас протирал полы брюхом.

Я и сама чуть не потеряла сознание. Из жестянки потащило такой воню, что у меня щипало глаза. Очевидно, чечевичный паштет «приказал долго жить».

Зажав нос, я посмотрела на дату производства и срок хранения. Все было в норме, но вонь упрямо настаивала на обратном.

Я не рассчитала травить кота, как и на то, что, выкорчевав паштет в унитаз и его смыв, банка продолжит источать невыносимое зловоние из мусорного ведра.

Аппетит у Джека пропал. Он отказался от овощного суфле, и внутри себя я даже порадовалась. Недолго. Ведь дышать было невозможно. Казалось, въедливый запах протухшего чечевичного паштета провонял всё.

Упакованная в несколько пакетов банка не переставала проверять нас с котом на прочность, и через пять минут я

сдалась. Надела толстовку с капюшоном прямо на домашнюю футболку, спортивное заляпанное трико уже было на мне, и свой вечерний лакшери-образ я решила дополнить сланцами, которые надела на носки. Вряд ли в одиннадцать вечера я встречу принца в нашей Капотне во дворе панельных девятиэтажек рядом с мусорными баками. Так что, затолкав телефон в карман трико и перевязав гульку на голове, я, задержала дыхание и, подхватив пакет с паштетом, вышла в подъезд, предварительно оставив открытым окно на кухне для проветривания.

Вот так, с вытянутой рукой и зажатым носом, будто я несла пакет с обогащенным ураном, застал меня Тоха на площадке.

Вот черт.

Антон не был принцем. Он был моим соседом, но чертовски мне нравился. Что-то было в нем такое загадочное...

— Привет! — Антон весело махнул мне рукой, и мы, не стовариваясь, направились к лифту.

Я тоже ему нравилась. По крайней мере мне так казалось, однако наша симпатия уже год балансировала между взаимными переглядываниями и болтовней ни о чем.

— Привет, — улыбнувшись, отозвалась я.

— Мусор выносить? — Антон бросил понимающий взгляд на пакет.

Блин.

Хотя, на что я рассчитывала, когда из пакета несло такой

воню, что разъедало глаза...

Вздохнув, я кивнула.

— Да. Кошачий корм пропал, — уточнила я, чтобы Тоша ненароком не подумал что-нибудь не то.

— Угощайся, — он протянул мне маленький шелестящий пакетик с орешками.

Я не стала отказываться.

В ответ, кроме вонючего мусорного пакета, мне нечего было ему предложить, но поболтать очень хотелось, и тогда я поинтересовалась:

— На смену?

На самом деле вопрос тупой. Ну какая смена в двенадцатом часу?

Усмехнувшись, Тоша произнес:

— Не. Гулять, — он отвел взгляд.

Пару месяцев назад Антон устроился в столичный пафосный клуб официантом. Без понятия, как он вообще туда попал, ведь по его рассказам устроиться в «Бессонницу» практически невозможно. Судя по всему, ажиотаж вокруг этого заведения слишком преувеличен, раз Антону удалось там закрепиться, да еще подтянуть меня — две недели назад я расписывала в «Бессоннице» барную стойку, за что мне солидно заплатили.

Я многое слышала об этом ночном клубе. Но когда я оказалась внутри, мои представления знатно отличались от реальности — я чуть не ослепла от роскоши, размаха и ка-

кой-то особенной витающей там атмосферы, хоть и работала в утреннее время, когда кроме меня, охраны и персонала, наводящего порядок после ночных эскапад, никого не было. Однако даже в таких условиях это место произвело на меня неизгладимое впечатление, и это не считая слухов, которыми обросла «Бессонница». Среди самых смелых — по субботам в клубе творилось безумие: оргии, БДСМ – развлечения и всякие бесчинства, за которые «тяжелые кошельки» и столичный бомонд платили баснословные деньги. Как бы там ни было мне до этого места нет дела, а слухи — на то они и слухи, чтобы не подтверждаться. Тем не менее Антон проболтался о бумагах о неразглашении, которые подписал, хотя ему, собственно, и разглашать нечего — по субботам он не работал.

Перебрасываясь фразами ни о чем, на лифте мы спустились на первый этаж и вылетели из кабины с выпученными от удущья глазами. За время нашего спуска чечевичный паштет в замкнутом пространстве чуть не отравил нас обоих.

Проводив меня до мусорных баков, Антон, улыбнувшись, на прощание махнул мне рукой:

— Пока. Доброй ночи!

— Спасибо. Пока, — с ноткой грустинки отозвалась я и, дождавшись, когда спина парня скроется за углом трансформаторной подстанции, от души замахнулась и отправила пакет в быстрое кругосветное.

Пакет с глухим ударом приземлился точно в бак.

Погода стояла чудесная. На удивление, май в этом году выдался теплым настолько, что Москва к середине месяца утопала в сочной зелени и ароматах магнолии и черемухи.

Я глубоко вдохнула. Даже стоя неподалеку от помойки, я чувствовала запах приближающегося лета. На него у меня были грандиозные планы. Я два года копила на море, и это лето просто обязано стать незабываемым.

Подумав об этом, я рефлексивно дернулась, краем глаза заметив движение со стороны трансформаторной будки, а потом замерла, когда увидела бегущего прямо на меня Антона, за которым гнались два мужика.

Я бы могла подумать, что взрослые мальчики решили поиграть в догонялки, но по расширенным, полным испуга глазам Тоши я поняла, что и мне нужно уносить ноги. И как можно быстрее. Ведь спустя секунду один из преследователей нагнал моего соседа и, обхватив локтем его за шею, начал... душить. Прямо недалеко от меня. Вообще-то в паре десятков метров от меня.

Вот же дерьмо.

Это сработало рефлексивно — я резко развернулась и рванула вперед. Чему меня и научил детдом, так это рефлексам и быстро бегать. Конкретно на последнее я и рассчитывала, когда неслась в сторону подъезда. Однако практика показала обратное — примерно через пару секунд чья-то рука обхватила меня за талию и рывком дернула на себя.

— Плохая девочка... — прилетело мне в ухо прежде, чем

мой рот накрыла мужская ладонь.

Глава 2.

Женя

Я не считала себя неудачницей, хоть и не ходила у судьбы в любимчиках. Наверное, когда я стояла в очереди за счастливой жизнью, на мне она закончилась, и тогда тот, кто восседает наверху и всех видит, сжалился надо мной и со словами «а забирай всё!» торжественно вручил мне всё имеющееся у него дерьмо.

Зато теперь, сидя на заднем сиденье наглухо тонированной черной машины с завязанными за спиной руками и заклеенным клейкой лентой ртом, я окончательно убедилась — я не неудачница. Я конченная неудачница.

— Давай договоримся, — начал темноволосый отморозок, который меня поймал и насильно запихнул в машину. Он сидел рядом со мной на заднем сиденье, уткнувшись локтем в спинку переднего водительского кресла, с которого, повернув голову, на меня взирал второй головорез. Тот, кто схватил Антона. Он был здоровенным, как гора, и лысым. — Я сейчас освобожу тебе рот, а ты не будешь орать. Лады? — довольно миролюбиво произнес он, но меня трясло так, что в ответ я не могла даже промычать. — Да не трясись, ну чё ты! — улыбнулся говнюк, будто это могло меня успокоить. — Мы хорошие ребята и не обижаем хороших девочек. Я сейчас сниму ленту, и ты будешь вести себя тихо... — выгнул

бровь, ожидая моего ответа.

Как будто у меня был выбор. Дверь заблокирована, у меня связаны руки, со мной в машине два двухметровых шкафа, а во мне пятьдесят килограммов вместе с одеждой — что я могла, кроме как медленно кивнуть. Через секунду клейкая лента царапнула кожу лица, и я схватила ртом воздух, пропитанный концентрированным хвойным запахом болтающейся на зеркале заднего вида пахучки и страхом. Моим.

Господи, за что?

Меня тошнило, а пульс частил настолько, что, казалось, мое сердце не выдержит и выпрыгнет из груди.

— Умница, — похвалил меня тот, кто сидел рядом. Он был одет во все наглухо застегнутое и черное — это немного, что я смогла разобрать. — Тебя как зовут? — поинтересовался он таким тоном, будто собрался строить со мной куличики в одной песочнице.

Я взглянула на лысого водителя. Он улыбнулся, и меня еще больше замутило.

Может, назваться Катькой Стариковой? Я ее терпеть не могла, в детдоме она постоянно у меня всё воровала, и если эти два отморозка сегодня меня прикончат, то я хотя бы буду знать, что не зря.

Однако, темноволосый мерзавец опасно сощурился, и я поняла, что шутить с этими парнями чревато еще большими неприятностями, чем на данный момент имелись.

— Ж-Женя, — едва выдавила из себя. — Ж-Женя Баж-

ж-женова.

— Прекрасно. А я Беспредел, — темноволосый указал на себя, — а вот этот милый парень, — кивнул на амбала с водительского кресла, — Могила.

Могила улыбнулся во весь рот, и на его круглых щеках образовались глубокие ямочки, которым при других условиях я бы умилилась, но сейчас у меня помутнело в глазах. Стараясь прогнать из головы мысли о том, за какие заслуги эти «милые парни» получили подобные прозвища, я почувствовала, как пол под ногами рухнул.

Господи, господи, когда моя жизнь свернула не туда? Какого гребанного черта я не оставила вонять чечевичный паштет, а потащила его на помойку? Не зря же говорят, что выносить мусор на ночь глядя — плохая примета.

Интересно, если я скажу, что несказанно рада с ними познакомиться, это сможет мне как-то помочь?

— Скажи-ка мне, Женя Баженова, куда мог схватиться твой дружок? — елейно полюбопытствовал Беспредел.

Он про Антона? Ему удалось сбежать?

— Какой друж-жок? Я... я н-не знаю, — заикаясь, затараторила. — Я вообще с ним не знакома...

Могила хмыкнул, Беспредел усмехнулся, оба явно мне не поверив.

— Не знакома? Ну допустим, — Беспредел поскрёб подбородок пальцами, — а за чем ты тогда побежала?

Что за идиотский вопрос? Все бежали, и я побежала...

— Ис-с-пугалась... — просипела я.

— Испугалась... — повторил за мной Беспредел, — но сейчас же ты нас не боишься?

Конечно, нет! Мне не страшно, ведь мне охренеть как страшно!

Я выразительно замотала головой.

— Хорошо. Тогда так, как твой незнакомый знакомый очень сильно расстроил Могилу, вместо него ответишь ты... да? — брови Беспредела выгнулись. — Сейчас ты называешь мне имя вашего заказчика, я тебя отпускаю, и мы забываем друг друга. Хотя... — он окинул меня оценивающим взглядом, — наверное, я буду скучать, — и грустно поджал губы.

Я не понимала, что они от меня хотели. Я бы сказала всё, если бы знала, что говорить, но я понятия не имела, какого заказчика они от меня требовали.

С трудом, я все же задумалась, но мысли путались. Что им от меня нужно? Очевидно же, что возникла какая-то путаница, но я боялась раскрыть рот, чтобы доложить об этом, ровно до тех пор, пока Могила не рывкнул басом:

— Говори!

Я вздрогнула.

— Тишман, — брякнула от страха фамилию. Просто он последний с кем я работала.

— Кто? — переспросил Беспредел и переглянулся с Могилкой.

— Гоша Тишман, — уточнила я и забегала глазами по

этим двоим, у которых сделались такие лица, будто я потрясла перед ними мусорным пакетом.

— Гоша Тишман? — скривился Могила.

Я быстро-быстро закивала.

Сердце как обезумевшее билось о ребра.

— Ты уверена? — с подозрением поинтересовался Беспредел. — Смотри, если набрехала, мы тебя найдем и свернем шею, — пообещал убедительно он.

Я обмерла. Не верить им у меня не было ни единой причины.

— Уверена, — подтвердила я, — в моем телефоне есть его контакт.

Пока я мысленно паковала чемодан в женский монастырь, парни задумались, точнее задумался Беспредел, поскольку из них двоих только на его лице был замечен отпечаток от пощечины интеллекта.

— Не надо, и так найдем, — многообещающе отозвался он. Я почувствовала, как мои глаза округлились. В смысле? Что он имел в виду? Что найдет контакт Тишмана или меня в женском монастыре? — Руки давай, — потребовал Беспредел. Видимо, из них двоих он был старшим. Или главным. Да все равно кем, пусть только отпустит меня! — Але, не спим!

Я не понимающе уставилась на него.

Беспредел закатил глаза, а потом в его правой ладони оказался нож. Кажется, мое сердце навсегда остановилось.

— Руки, говорю, давай... Развяжу.

Я зажмурилась, когда сверкнуло лезвие ножа, а через секунду мои запястья освободились.

Потирая их, спустя пару минут в одном сланце я, прихрамывая, неслась в сторону своего подъезда и не верила своему счастью. Я жива! Твою мать, я жива!

Лицо горело. Тело знобило как при высокой температуре. Пробегая мимо мусорных баков, я заметила второй сланец, который потеряла, когда меня волокли к машине. А жизнь-то налаживается!

В квартире я заперлась на все имеющиеся у меня замки. Припала спиной к стене и скатилась по ней как склизкий лизун. Джек вопросительно смотрел на меня, стоя на пороге комнаты.

Меня трясло, как листок на холодном пронизывающем ветру.

Я обняла себя руками и начала глубоко и ровно дышать. Я ни в чем не виновата, я не делала ничего плохого, и у тех двоих не должно быть ко мне претензий! Сейчас они найдут Антона, во всем разберутся, поймут, что возникла какая-то ошибка и забудут о моем существовании раз и навсегда. Уверена, так и будет...

Убедив себя в этом, я для надёжности приставила к двери обувницу, забаррикадив вход.

Я знала, что не усну. Я и без недавних приключений отвлеченно спала, а уж от этой ночи вообще ничего не ждала.

Я прислушивалась к каждому шороху. Сидя на диване в своей единственной комнате и зажав подмышкой кота, водила глазами по стенам, на которые в свете от настольной лампы отбрасывали тени мольберт, гладильная доска с кучей постиранного белья на ней и денежное дерево, иссыхающее на подоконнике.

Сначала я всхлипнула, а через секунду уже редела, утирая слезы котом.

Как меня сморило, я вообще не поняла, но зато поняла, что меня разбудило — чей-то пробирающийся до нутра взгляд...

Резко распахнув глаза, я подавилась ужасом, когда увидела мужчину, сидящего напротив меня.

Закинув ногу на ногу, незнакомец в белоснежной, выглаженной до хруста рубашке с подвернутыми до локтя манжетами расслаблено восседал на моем стуле как на троне и смотрел на меня. Его глаза были как два шарика ртути, а прямой ледяной взгляд заставил дернуться и вжаться в спинку дивана. Меня словно без предупреждения толкнули в комнату страха.

Притянув к груди колени, я потянула носом воздух, успевший пропитаться тяжелым мужским парфюмом и большими проблемами.

Меня замутило.

Мужчина не переставал внимательно разглядывать мое лицо, словно разбирал его на молекулы, пока я бегала гла-

зами между ним и двумя стражами за его спиной. Могила и Беспредел. Господи, не думала, что когда-нибудь буду рада их видеть. Даже эти два придурка не вводили меня в удушьющий ужас настолько сильно, как мужчина в рубашке и ртутными глазами.

Беспредел топтался возле мольберта. На холсте была изображена недописанная мною девушка, которой этот дурак пририсовал рога и гигантские сиськи.

Могила оценивал художества дружбана, держа в руках и поглаживая... о боже... Джека. Удивительно, но тот не сопротивлялся.

Как они проникли сюда?! Почему я не услышала? Что им от меня надо?!

— Я... — открыла рот, но тут же его закрыла. Одного взгляда незнакомца в хрустящей рубашке было достаточно, чтобы заткнуться.

— Ты обманула, — беспечно произнес Беспредел.

Я облизнула сухие губы.

— Гоша Тишман — это какой-то ушлепок, живущий в Архангельске и пишущий тупые игрушки про зомбаков и конец света, — брезгливо уточнил он.

Ну-у-у... да, грубо говоря. Но вообще-то геймдизайнер Гоша Тишман еще аркады крутые пишет. Как раз к последней новинке я рисовала обложку.

— Мы же договорились: если соврешь получишь пулю в лоб, — вставил свои сраные пять копеек Могила.

— Речь шла о свернутой шее, — поправила я его и поймала широкую улыбку Беспредела. Тем временем незнакомец молчал и продолжал разглядывать меня, не выдавая абсолютно никаких эмоций. Это пугало. — Я не обманула, я сказала правду. Вы спросили имя заказчика, я ответила. Тишман был последним, кто заказал у меня обложку, — запальчиво затараторила я, старясь до того, как мне свернут шею, успеть прояснить ситуацию. — Я отрисовала ему заказ и сдала. Если не верите, можете заглянуть в мои записи — я веду таблицу. Мне заплатили восемь тысяч рублей...

Могила и Беспредел переглянулись, а я умоляюще уставилась на незнакомца, поскольку и дураку понятно, что среди моих ночных гостей он главный.

Мое сердце трепыхалось как вольная птица в клетке, пока я старалась достучаться до трех умов, ведь, казалось, меня слушали и даже не перебивали.

— Я правда не вру. Поверьте. Я не понимаю, что случилось и что вы от меня хотите. Я не знаю, что натворил Антон и какой заказчик вам нужен. Лучше спросите у него, он мой сосед и живет в квартире напротив, — без зазрения совести сдала с потрохами.

Ну а что? Антон, конечно, мне нравился. Но теперь не настолько, чтобы из-за него лишаться жизни. «В этом мире каждый сам за себя» — первое правило, которому научили в детдоме.

— Мы там уже были. Он так и не появлялся дома, — ото-

звался Беспредел. — Кстати, не знаешь, где он может быть?

Были у него дома? Боже мой, что это за люди? Во что вляпался Тоша? И что с Гошей? Может, они уже и в Архангельске побывали?

Я натужно попыталась сглотнуть, но глотать было нечего — во рту пересохло.

— Н-нет, — я активно замотала головой. — Но как вернется, я обязательно вам сообщу. Можем обменяться контактами и...

— Поднимайся, — требовательно оборвал меня незнакомец, который до этого только молчал. Его голос рассыпал мурашки по моей коже. — В Пойму, — через плечо бросил Могиле и резко встал со стула.

Не моргая и задрав голову, я наблюдала за ним и успела заметить, как мужчина в хрустящей рубашке кинул быстрый взгляд на стоящего на письменном столе слонёнка — мою любимую мягкую игрушку, которая единственно уцелела со времён детдома. После чего стремительно и бесшумно вышел из комнаты.

Я перевела затравленный взгляд на парней. Могила пожал плечами, а Беспредел нахмурено смотрел вслед незнакомцу.

— Пожалуйста, отпустите, — я умоляюще запричитала, на коленях двигаясь по дивану, — вы же хорошие ребята, — обратилась к парням, — ну отпустите меня, я ничего не сделала, не знаю никакого заказчика, я... — а дальше я всхлипнула, осознав безнадёжность своего положения.

— Слушай, Женёк, — рядом со мной уселся Беспредел, — ты мне нравишься, отвечаю. Но раз «папа» сказал, — он покачал головой, — тут вообще без вариантов. — Но ты не бойсь, большой босс, не разобравшись и без причины, башку не отрезает, — сказал это так весело и обнадеживающе, что от страха у меня закружилась голова.

Я крупно задрожала.

— Что-то с собой брать? — наивно уточнила, а потом сама же над собой посмеялась — вряд ли на том свете мне что-нибудь понадобится.

Глава 3.

Женя

Пойма, пройма, русло...

Твою мать, что такое пойма? Что-то вроде канавы?

К черту! Какая разница, где меня прикончат и куда выбросят тело. Меня же убивать везли или что? Вряд ли купить новые шмотки или накормить завтраком на рассвете. Без понятия сколько сейчас времени, но, когда меня выволокли из подъезда, утренняя заря уже разыграла яркими красками, и, судя по всему, она станет последней в моей жизни.

Я не думала, что она оборвётся вот так — в двадцать три года. Хотя вряд ли найдется тот, кто в двадцать три, не имея смертельных болезней, думает о смерти.

Я повернула голову и снова уставилась на мужской профиль. За время пути я бы уже смогла составить его фоторобот, если бы об этом попросили в полиции. Но, вероятно, меня никогда не попросят, а я никогда и никому не смогу рассказать, какие ровные, четкие и жесткие линии лица у моего похитителя. Кто он вообще? И зачем ему я? Судя по браслету часов на его запястье, марки машины и кожаному креслу, по которому я елозила своими поношенными трениками с жирным пятном на заднице, в деньгах он не нуждался, значит, похищать меня с целью выкупа или хоть какой-то наживы было бесполезно. Они же своими глазами видели в какой

нищете я живу. Да я даже спецквартиру не успела приватизировать, потому что после выхода из детдома и пяти лет в ней не прожила. Брать у меня нечего. Разве что органы...

Меня снова затошнило. Я попыталась выровнять дыхание, но от подкатывающей тошноты это не помогло.

На моем похитителе белоснежная рубашка, заправленная в брюки, цвет которых распознать не удавалось — в салоне было темно, поэтому брюки выглядели просто черными. Как и его волосы, хотя возможно, они были темно-русыми. Подбородок украшала легкая щетина. Определённо украшала, ведь этот мужчина выглядел солидно, черт бы его побрал. Беспредел назвал его «папой»... На вид ему было около тридцати, может, чуть больше. Интересно, он будет меня убивать? Скорее всего нет, ведь такие, как он, чаще отдают приказы, нежели их исполняют.

— Куда вы меня везете? — в сотый раз поинтересовалась я. — Меня будут искать! Вас посадят! — нашла, чем напугать.

Мои́ла с водительского кресла усмехнулся, Беспредел с переднего пассажирского хмыкнул. Очевидно, мне никто не поверил. Раз им удалось так быстро меня найти и бесшумно проникнуть в квартиру, значит, и то, что меня некому будет искать, для них не новость. Надо признать, я идеальная жертва.

— Предлагаю разобраться! Понятно же, что вышло недо-
разумение! — затараторила я. — Я не знаю, что натворил

мой сосед Антон, мы практически не общались, но уверяю, я к этому не причастна, — заверила, чувствуя, как подкатывают слезы, потому что на мой монолог никто из присутствующих не отреагировал. — Да что случилось? Кто-нибудь может мне объяснить?! — заорала я. — Кто вы такие? Что вы от меня хотите?!

Я уже не держала себя в руках.

Мне страшно! Мне очень страшно! Адреналин, шипящий в крови, не глушил страх, да я и не пыталась его прятать и строить из себя гордую и смелую. И я бы разревелась, если бы не ртутные глаза, которые впервые за время движения машины внезапно в меня воткнулись и придавили к спинке сиденья.

— Вы... меня убьете? — надломлено прошептала я.

Мужчина прочертил по моему лицу молнию взглядом, а потом задержал его на подбородке, который дрожал.

— А есть за что? — спросил ровным, безэмоциональным голосом он.

— Нет! — я возбужденно замотала головой и для убедительности сложила бы ладони в умоляющем жесте, если бы мои запястья были свободны. — Я законопослушный, добросовестный человек! Я даже комара не обижу, и у меня вообще нет недостатков! — запричитала, скрестив указательный и средние пальцы.

Окей, я слегка привирала. У меня куча недостатков, но положительное, кроме резус-фактора, во мне тоже имелось.

Беспредел усмехнулся, а «папа», не выражая никаких эмоций, продолжал на меня смотреть, и я подумала, что это мой шанс.

— Послушайте, — я повернулась к нему насколько это было возможным, — я так понимаю, Антон что-то натворил, возможно, он вам должен или вроде того. Но я ничего не знаю, — понизила голос. — Я просто выбрасывала мусор, увидела, как за Антоном бежали они, — кивнула в сторону парней, — испугалась и тоже побежала. Вот и всё. Я обещаю, если вы меня отпустите, я забуду вас, и даже если меня будут пытаться, я вас не...

— Приехали! — так не вовремя прервал мой речитатив Могила.

Меня обварило паникой, ведь машина действительно остановилась. Мое сердце разогналось так, что мне показалось, будто я престаюсь от инфаркта раньше, чем эта троица что-нибудь сделает со мной.

Беспредел первым выскочил из машины, пока я крутила головой по сторонам, пытаюсь разобрать сквозь тонированные стекла наше местоположение.

Через секунду Беспредел вытащил меня за локоть из машины.

Яркий свет ударил по глазам. Я сощурилась, но по воздуху, который глотнула, поняла — мы не в лесу, не в канаве и не на улице. Пахло специфическим запахом резины, выхлопными газами и сыростью. Стоянка, парковка?

— Завязать ей глаза? — уточнил Беспредел.

Хлопнула пассажирская дверь.

— Лучше рот, — раздраженно отозвался «папа».

Глава 4.

Женя

Я не ошиблась, и это была подземная парковка. Я успела это заметить до того, как мне завязали глаза и рот.

Наши шаги эхом разносились по крытому помещению, пока Могила тащил меня за локоть в неизвестном направлении. Я старалась прислушиваться к звукам и понять, есть ли здесь еще кто-нибудь кроме нас, но, судя по всему, меня привезли ни туда, где мне смог бы кто-нибудь помочь, потому я смиренно передвигала отяжелевшими ногами, периодически остро чувствуя жжение то на затылке, то между лопаток. Ниже поясницы жжение не опускалось, очевидно, моя задница не заслуживала должного внимания, как затылок.

Все это время Беспредел и «папа» молча шли позади нас, и я могла бы поставить косарь, что источником этого внимания был не Беспредел, а немногословный, накрахмаленный, любящий молча наблюдать пижон с криминальными замашками.

Я расправила плечи, когда снова ощутила легкое покалывание между лопаток.

— Левее бери, — участливо посоветовал Могила и заботливо дернул меня за локоть влево, видимо, спасая от столкновения с чем-то. Кажется, мы повернули вправо. — Аккуратно...

Надо же... Это было странно слышать при условии, что мне обещали пустить пулю в лоб или свернуть шею.

— Стоять... — потребовал Могила, и я услышал звук, будто он по чему-то хлопнул.

Ощувив новый прилив панической атаки, я стала нервно вертеть головой по сторонам и вращать запястьями, кожу на которых нетерпимо стянуло под лентой.

— М-м-м... — застонала я и задышала чаще. Учащенное сердцебиение отдавало в плечо и в левую руку, захват на которой усилился. — М-м-мм... — мне стало больно.

Я начала дёргать рукой, пытаюсь сбросить пальцы Могила, а потом услышала, как что-то открылось.

— Иди, — скомандовал он и куда-то меня втолкнул. Удивительно слышать столько слов от Могила.

Как только за нами вошли Беспредел и мужчина в хрустящей рубашке, воздух моментально уплотнился. Двери глухо закрылись, и мы слегка дернулись. Лифт. Это был лифт.

Мы ехали вверх, и весь путь я не переставала ощущать на себе взгляд. Я была словно под прицелом, и его красную точку чувствовала везде — на лице, шее, связанных запястьях... Мне хотелось касаться этих мест. Чесать, тереть, трогать!

Не знаю, на каком этаже мы вышли, но по сравнению с кабиной лифта здесь дышалось свободнее.

Меня провели еще немного, шаги мужчины за спиной и жжение на затылке не давали сосредоточиться, пока Могила не потребовал остановиться.

Прозвучал короткий щелчок.

— Входи, — Могила потянул меня вперёд, но мои ноги приросли к полу, потому что я задницей чувствовала — это конечная остановка. Что последует после нее, я не представляла, но мне было так страшно куда-то входить, что я замычала и замотала головой, упираясь пятками в пол.

— Да иди уже, — сзади меня пихнул Беспредел, отчего я петардой влетела внутрь, — спать хочется, а я еще даже не пожрал, — пробурчал он с претензией.

Я, конечно, не уловила взаимосвязи, но то, что это был камень в мой огород, поняла.

За спиной с пару секунд слышалась возня, а потом мои руки рассыпались и повисли вдоль тела. Я даже моргнуть не успела, как их освободили, и так же с запозданием я поняла, что закрылась входная дверь, и место, в которое меня привели, погрузилось в густую тишину.

Мы остались вдвоем — я и незнакомец с ртутными глазами. Его присутствие я ощущала незримо и обостренно. Повязка на глазах словно стерла пелену с восприятия, и теперь тишина стала объёмной и осязаемой настолько, что я слышала его дыхание — ровное и предельно контролируемое.

— Я тебя вижу. Снимай повязку, — произнес он так же ровно, как и дышал.

Мои руки были свободны, мне ничего не мешало сдернуть ленту со рта и снять повязку с глаз, но я медлила. Тонкая черная ткань на глазах обеспечивала хоть и мнимой, но без-

опасностью, пока я не видела места, куда меня привезли.

Да, я под ней пряталась, и я катастрофически боялась оставаться с незнакомцем наедине.

Страх разогнал пульс и мелкую дрожь по телу.

Мысль о том, что я где-то находилась с мужчиной, который умеет бесшумно врыватья в дома и смотреть словно дуло пистолета, направленное в лицо, загоняла под кожу раскалённый шампур.

— Снимай... — повторил он. Не жестче, не требовательнее, но так, что я подчинилась.

Медленно подняла отяжелевшие руки и поднесла их к повязке. Сжала ее на висках, собираясь сдёрнуть, но резко передумала и одним быстрым движением сорвала ленту с губ, как старый пластырь с мозоля. Боль всего на мгновение стянула кожу вокруг рта, а потом превратилась в уже знакомое покальвание на губах — это он смотрел. Смотрел на мои губы. Я рефлекторно облизнула их, а потом неспеша стала опускать повязку.

Мои глаза оставались закрытыми, я оттягивала момент встречи с реальностью, боясь увидеть в ней то, ради чего меня могли сюда привезти и оставить наедине с мужчиной. Картинки, предстающие под закрытыми веками, вскипятили мою кровь, потому что я хоть и провела детство и юность в детдоме, но от средств массовой информации не была изолирована и примерно догадывалась, как могли развлекаться богатые ублюдки.

Голова закружилась от этих картинок, и чтобы не рухнуть, я открыла глаза. После темной повязки им было некомфортно, но пары деталей, которые мне удалось разглядеть, было достаточно для понимания — мы были в квартире. Очень большой квартире.

Я опасливо осмотрелась, стараясь слишком откровенно не крутить головой по сторонам. Мы находились в просторной прихожей, в которую попадал яркий свет прямиком из гостиной. Обстановка была дорогой. Даже слишком. И очень подходящей незнакомому мужчине — строгой, минималистичной, в бело-серых тонах и с большим количеством многоуровневого света. Он сочился из каждого метра площади и играл с тенями необычных дизайнерских безделушек, расставленных на консоли, но больше всего меня привлекло огромное зеркало, в которое можно было увидеть себя целиком. В отражении мы встретились глазами с мужчиной.

Я резко перевела взгляд на него.

Он расслабленно стоял в паре-тройке метров от меня, спрятав ладони в передние карманы черных брюк. Его волосы коротко стрижены на висках и все-таки были темно-русыми, в свете потолочного светильника отливая рыжевизной, как и щетина. С цветом глаз я тоже не ошиблась. Два шарика ртути в ответ изучали меня.

— Вам... — сглотнула, — нужен секс? — оцарапанным страхом голосом спросила я.

Брови мужчины вопросительно изогнулись.

— Вам от меня нужен секс? — пояснила.

Еще в машине я думала, что меня везли убивать. Сейчас же, оказавшись наедине с этим непредсказуемым и очевидно финансово благополучным мужчиной в квартире, у меня не было иных мыслей, ради чего я здесь.

Мне показалось, что губы незнакомца едва заметно скривились в ироничной усмешке.

— Я похож на того, кто испытывает дефицит в получении удовольствия и похищает женщин, чтобы насильно заняться с ними сексом?

Может, это и прозвучало слишком самоуверенно и высокомерно, но определённо обоснованно. Он не был похож на того, кому не дают женщины. Скорее он выглядел так, что женщинам надо постараться, чтобы он занялся с ними сексом.

— Ни по одному маньяку или извращенцу не скажешь, что он маньяк или извращенец, — резонно отозвалась я.

А вот сейчас мне не показалось — я действительно уловила его поднятый вверх уголок губ.

— Почему же... — произнес он расслабленно, — есть некоторые характерные поведенческие черты у всех маньяков: патологический нарциссизм, эмоциональная поверхностность, «ближайшая связь» и редко — склонность к пиромании...

У меня открылся рот.

Я ни черта не поняла из того, что он сказал, но факт то-

го, что этот мужчина вообще об этом знал, усилило дрожь в коленях.

Он все-таки маньяк... Или просто душевнобольной мерзавец.

— Страшно? — этот псих снова выгнул темно-русую бровь.

Его голос гипнотический. Глубокий и проникновенный, как и глаза, в которые хотелось постоянно смотреть.

— Вы без единого звука проникли в мою квартиру, похитили меня из дома, привезли сюда, и теперь я нахожусь здесь с вами, незнакомым мужчиной, который знает поведенческие черты маньяков... О нет, мне совсем не страшно, — наигранно беспечно пожала плечами, ощутив, как от страха скрутило живот.

Незнакомец сделал круг глазами по моему лицу.

— Кирилл, — произнёс он расслабленно.

Наступила моя очередь выгибать брови.

— Меня зовут Кирилл, — пояснил.

Я быстро-быстро заморгала. Если он решил, что, представившись, мне будет спокойнее, то я могла бы его разубедить, ведь сейчас мне еще страшнее...

— Теперь, зная вас в лицо и ваше имя, мои шансы остаться в живых стремительно упали, да? — задала вполне логичный вопрос вместо того, чтобы назвать свое имя. Уверена, он и без того его знал.

— Правильный вопрос, Евгения... — будто бы похвалил.

Евгения... меня сотню лет так никто не называл. Я терпеть не могла свое полное имя, но из его рта оно прозвучало необычно. Я передернула плечами, стряхивая щекочущее волнение, облизавшее мою кожу.

— Я могу забрать у тебя свободу. Если потребуется... — он сделал выразительную паузу, — даже жизнь, но я не смогу отобрать у тебя надежду. Так что... — он беспечно пожал плечом, — надейся, чтобы мои люди как можно быстрее нашли твоего приятеля, а пока ты тихо и без лишних телодвижений подождешь его в той комнате, — он кивнул на одну из закрытых межкомнатных дверей. — Она твоя.

Глава 5.

Женя

Это была самая обычная комната.

Окей, не самая обычная.

Она была чуть меньше всей моей квартиры в Капотне и роскошной, как номер пятизвездочного отеля. Единственное, что выбивалось из всего великолепия, была я: в линялой футболке и трениках с жирным пятном на жопе. Но если закрыть на это глаза и не думать, что здесь я в плену, можно было бы себе позавидовать.

В течение двух часов я вдоль и поперек смерила комнату шагами, облазила каждый шкаф и изучила углы. Даже заглянула под все подушки королевской кровати и исследовала постельное белье на наличие женских волос.

Интересно, были ли здесь женщины до меня или это мне так «повезло»?

Разумеется, белье было новым и хрустящим, как рубашка того самого Кирилла, ящики в шкафу оказались пустыми, и на первый взгляд комната выглядела необжитой.

Стоя у широкого панорамного окна, я привстала на носочки и посмотрела вниз. Высота была внушительной, так что вариант с побегом через окно я отмела сразу. Но вид открывался потрясающий — в свете солнечных лучей речной канал искрился и змейкой убегал вдаль. Возможно, он и был

той самой поймой.

Я тяжело вздохнула и перевела взгляд на настенные часы. Десять утра. Сейчас дома я бы пила кофе, а Джек ел бы свое любимое суфле из индейки.

Господи, Джек!

Я заметалась по комнате.

Как я могла про него забыть?

Приложив ладонь ко лбу, я почувствовала, как запульсировали виски.

Он остался дома один. Что с ним будет? В его миске немного воды, сколько так он протянет? Пару дней, а потом начнет жрать муравьев, которые появились неделю назад?

Нужно было срочно что-то делать! Я не знала, что именно, но решительно подошла к двери и припала к ней ухом. Ничего не было слышно, кроме моего сердечного стука в ушах.

Я осторожно толкнула дверь и выглянула в узкий проем. Без понятия, что мне было позволено, а что нет — инструкцию по этому поводу хозяин квартиры мне не давал, потому на свой страх и риск я вышла из комнаты. На носочках.

Я старалась ступать тихо, прислушиваясь к звенящей тишине. Может, я была здесь одна?

В прихожей по-прежнему горел свет. Абсолютно все светильники были включены при том, что квартира утопала в естественном солнечном свете.

Крадучись, я выглянула за угол, за которым простиралась гостиная, и замерла.

Кирилл сидел на широком раскидистом диване цвета благородной оливы. Я видела только его профиль, и его правый глаз был закрыт.

Я не знала, спал ли он или притворялся, но выглядел при этом максимально расслабленным. Одна его рука покоилась на спинке дивана.

Возможно, мне стоило как-то дать о себе знать прежде, чем я решилась войти в комнату, размером с каток.

Здесь так же горел потолочный свет. На стене напротив дивана висела плазма, имея которую можно не ходить в кинотеатр, но в этой квартире она была лишь частью интерьера. Я не представляла Кирилла, переключающего пультом каналы.

Я несмело подошла ближе.

Рядом с пухлым диванным подлокотником раскинулся стеклянный журнальный столик, на котором аккуратно лежали наручные часы и стояли открытая зеленая бутылка с иностранной надписью на этикетке и пустой пузатый бокал.

Я перевела взгляд на Кирилла. С утра алкоголь? Я поморщилась. Хотя... это для нормальных людей утро, а у этого аристократа, судя по всему, день продолжался.

Две верхние пуговицы его рубашки были расстегнуты, как и манжеты на распущенных рукавах. Под белоснежной тканью грудь мерно поднималась и опускалась. Темно-русые ресницы подрагивали. Он спал. Но так вальяжно и естественно элегантно, что я поймала себя на том, что слишком

долго на него пялилась. И потеряла время, которое могла бы использовать ради спасения.

Развернувшись на носочках, я помчалась к входной двери, стараясь буквально лететь над полом и его не касаться.

Адреналин, перемешанный с надеждой, зашипел в крови.

Мне стало жарко, когда я надавила на дверную ручку, однако чуда не произошло. Дверь была заперта и даже не на внутренний замок, а, вероятно, на какой-то ключ, который мой похититель либо где-то спрятал, либо держал при себе.

Гадство.

Я бесшумно захныкала. Глупо было надеяться.

«Я могу забрать у тебя свободу. Если потребуется, даже жизнь, но я не смогу отобрать у тебя надежду...» — вспыхнули слова спящего мерзавца.

Это мы еще посмотрим... Я выросла в детдоме и прошла лучшую школу выживания. Так что, уважаемый накрахмаленный до хруста «папочка», под лежащий камень я всегда успею, а жизнь у меня одна.

С этой воодушевляющей мантрой я и услышала странные звуки, доносящиеся из гостиной.

Я знаю, что вляпываться в неприятности — мой природный талант, тем не менее это не остановило меня от того, чтобы не рвануть в гостиную.

В двух шагах от Кирилла я остановилась. Он дышал очень часто, его ладонь, покоящаяся на бедре, была сжата в кулак, а под веками влево-вправо метались глаза. Ему снился кош-

мар. Какая прелесть.

Глядя, как мучается мой похититель, я испытала удовлетворение. Надеюсь, ему там страшнее, чем сейчас мне.

Решив оставить его наедине с кошмаром, я развернулась, но глухой мучительный стон заставил обернуться. Лицо Кирилла исказилось в болезненной гримасе.

Вот же блин...

Я закусила губу. Сделала два шага и осторожно дотронулась до его плеча:

— Эй... э-э-эй! Просыпайся...

Он, конечно, мерзавец и заслужил за все его злодеяния, но мне лишний плюс в карму не помешает. Тем более, если меня скоро прикончат, я рассчитываю на рай.

— Подъем! Эй, вставай! Кто рано встает, тот весь день зеваает... Эй! — я начала его трясти, однако Кирилл не собирался просыпаться. Уже обе его ладони были сжаты в кулаки, а на лбу проступила испарина. — Чувак, ты меня пугаешь. Эй... Эй! Просы...

Я не успела договорить, как за какое-то мгновение оказалась вжатой лицом в спинку дивана, а моя рука вывернутой за спину.

— Какого хрена?! — прорычал мне в ухо Кирилл. Его неровное и горячее дыхание касалось правой стороны моего лица, а твердое, как гранит, тело прижималось ко мне сзади. — Тебе кто разрешал выходить? Я же сказал — не отсвечивать! — рывкнул так, что у меня перехватило дыхание.

Нормально?

Я тут его спасала, а он...

От возмущения я поперхнулась и начала брыкаться, пытаюсь освободиться от этого чокнутого. Долго стараться не пришлось — через секунду Кирилл, развернув меня лицом к себе, усадил на диван. Обе его ладони уперлись по бокам от моего лица, а его лицо оказалось настолько близко к моему, что мне удалось посчитать морщинки вокруг его глаз. Их было по две с обеих сторон.

— Что было непонятного из того, что я сказал? — процедил он в паре сантиметров от моих губ. Его глаза носились по моему лицу с астрономической скоростью.

— Тебе снился кошмар! — заорала я, не сдерживаясь и не думая о том, чем могла закончиться моя смелость. — Извини, что хотела помочь. Надо было позволить тому, что тебе снилось, хорошенько отодрать тебе задницу! — я и не заметила, как перешла на «ты», но я была настолько возмущена и зла, что было откровенно плевать.

Кирилл уставился на меня не моргая. Смотрел дико, на скулах перекатывались тугие желваки.

Странно, но я не боялась. Я упрямо держала его взбешенный взгляд, пока он не отстранился первый.

Мое сердце молотило о ребра.

Кирилл отвернулся. Провел ладонью по волосам. Его дыхание было по-прежнему сбитым.

— Иди в комнату, — грубо произнес он, не оборачиваясь.

Придурок.

Я вскочила с дивана. Внутри меня все металось и кипело.

— Я могу воспользоваться туалетом? Или мне ходить под себя? — зло спросила у его спины.

Кирилл шумно выдохнул.

— Ты не пленница, — сообщил он.

Мои брови подскочили к потолку.

— Серьезно? — ядовито выплюнула я. — Ну тогда спасибо за гостеприимство, я пойду?

Кирилл медленно обернулся. С секунду его глаза прожигали мне лоб.

— Не сейчас, — сухо отозвался он. Кажется, после кошмара его отпустило, а меня, черт возьми, нет. Эмоции, скопившиеся за эту жуткую ночь, лопнули как мыльный пузырь.

Я взбесилась:

— А когда? Когда вы найдете Антона? И что тогда будет? Вы меня отпустите? — я язвила и меня трясло. Где-то на подкорке я осознавала, что крупно нарываюсь, но нервы сдавали.

— У тебя будет выбор.

— Выбор? Между пулей в лоб и свернутой шеей? — Мой крик оглушил гостиную и ударил по ушам, а этот мудака даже не поморщился.

Я не стала дожидаться очередной порции наброшенной на уши лапши. Развернулась и помчалась в «свою» комнату, в которой *я не была пленницей*. Шандарахнула дверью. Потом

зарядила ногой по дверце шкафа. Скинула с кровати покрывало и начала со злостью бить подушкой всё, что попадалось под руку.

Не знаю, сколько времени я крушила комнату.

Оставшись без сил, рухнула на развороченную постель и уставилась в белый потолок, тяжело дыша и ощущая ломоту в мышцах.

Дверь тихо открылась.

Я затаилась. Знала, что на пороге стоял *он*, и не шевелилась. Слушала.

— Меня не будет пару часов, — сообщил словно мне было до этого дело.

Я молчала.

— Вижу, ты прекрасно проводишь время, — в его голосе послышалась усмешка. — Только не переусердствуй...

— Да пошёл ты! — выкрикнула я и быстро перевернулась на живот, собираясь наградить психа поднятым вверх средним пальцем, но в дверях никого уже не было.

Глава 6.

Кирилл

— Доброе утро, Кирилл Андреевич...

— Здравствуйте.

— Доброе утро...

Пока двигался по залу, раздавал кивки в ответ на приветствия персонала, которого к этому часу можно было пересчитать по пальцам. Клининг отработал, основная часть штата разошлась по домам, оставив «Бессонницу» набираться сил к вечерней смене.

Я обогнул бар и свернул к служебному входу.

— Привет, — справа от меня материализовалась Яна. Стук ее каблучков, отражаясь от стен затемнённого коридора, спровоцировал новую волну тупой головной боли.

Я поморщился.

— Привет, — отозвался, не поворачивая к ней головы.

— Паршиво выглядишь, — сообщила Варшавская, не отставая от меня ни на шаг.

— Не хаами, — предупредил.

— Я серьезно.

— Уволю.

Я не видел, но знал — она закатила глаза.

— Кофе? Душ? Свежая рубашка? — дежурно уточнила

Яна.

Кивнул.

— Ладно, живи пока. Но только потому, что ты делаешь годный кофе.

Справа раздался смешок.

— Ну разумеется, — фыркнула она.

Варшавская слишком хорошо меня знала, как и то, что ее мертвая хватка, ответственность и работоспособность мне были нужны. У Яны имелись стальные яйца, что давало ей право называться моей правой рукой. Она была идейным лидером, несмотря на свою внешнюю хрупкость бульдозером, из года в год вытаскивающим мою «Бессонницу» на первые позиции рейтингов лучших ночных клубов столицы. Ну и кофе она варила отличный.

— На субботу я запланировала фуд-арт перформанс, — глядя в свой планшет, отчиталась Варшавская. — Сегодня в час демонстрация. Посмотришь?

Я повернул к ней голову и посмотрел на нее с вопросом.

— Поняла, — хмыкнув, Яна снова застучала красными когтями по экрану.

Я уже давно вручил ей вожжи по организации культурно-массовых мероприятий. Я просто знал, что очередная суббота станет фееричнее предыдущей, и этого мне было достаточно.

Я толкнул дверь в свой кабинет. Пропустил вперед Варшавскую, у которой активность валила из всех щелей. У ме-

ня же раскалывалась голова.

— Сюда-а-а! Выкуси, чмо! — сидя в *моем* кожаном кресле, Саня наставил дуло ИЖа² на экран *моего* ноутбука и в него «выстрелил». — Бах!

— Идиот, — прокомментировала Яна, глядя на Бессонова, начальника службы охраны. Это если говорить официально. А так на осла, рубящегося в тупые игрушки на рабочем компе в мое отсутствие.

— Напомни, когда вы оба успели сесть мне на голову? — я уточнил у Варшавской.

— Даже не смей ставить нас на один уровень, — Яна с угрозой наставила на меня указательный палец.

— О-о, какие люди! — Бессонов крутанулся в кресле и расплылся в придурковатой улыбке, уставившись на Варшавскую и игнорируя меня. — Яночка, — придурок за секунду глазами облапал мою помощницу, — ты сегодня просто отвал башки, — он наконец-то додумался вытащить задницу из моего кресла. Заткнув за пояс девятикалиберный, выпрямился и вылез из-за стола.

— Вчера ты тоже самое говорил, — фыркнула Яна.

— Разве? Я не мог. Вчера на тебе не было этой охуенной юбки. Тебе нравится всё длинное, да?

Я без интереса посмотрел на Варшавскую. Она была упакована в строгую белую рубашку и длинную обтягивающую в нужных местах юбку. Яна тонко чувствовала разницу между

² ИЖ — пистолет калибра 9 мм разработан на базе пистолета Макарова

пошлостью и элегантностью, и это было еще одним из многих достоинств, за которые я ее ценил.

— Обожаю, — фальшиво томно произнесла она.

— Тогда мне есть чем тебя удивить, — прохрипел Бессонов.

— Да? Надеюсь, знанием количества цифр после запятой у числа «пи»? — скривилась Варшавская. — Кир, как ты его терпишь? — обратилась ко мне и положила на стол папку. — На подпись.

— Ты подумала над моим предложением? — Бессонов усадил свою задницу на край рабочего стола.

— Извини, но я не хожу на свидания с мужчинами, у которых гладкий мозг, — Яна открыла папку. — Это подписать в первую очередь, — указала мне на верхний документ.

— Кир, уволь ее, — оскорбленно бросил Саня, не переставая прочить глазами на мою помощницу.

Этим двоим давно пора трахнуть. Уже как года два, за которые мой безопасник истер ладони. Уверен, им хватило бы пары раз, не больше. Просто утолить обоюдный голод, ведь на большее Сане объективно с Варшавской не светит. Она умная, элегантная, знающая себе цену девка, у которой и запросы соответствующие. Саня Бессонов, получивший прозвище Беспредел еще во времена наших с ним армейских перфомансов, её чек не потянет. Он клинический вояка. С переформатированными мозгами и перекроенными принципами. Саня вилку от ложки не отличит — просто ру-

ками пожрет, а у Яны на каждое блюдо отдельный столовый прибор. Но между ними искры хреначат будь здоров. Если бы не факт того, что оба работали на меня, я бы лично снял им номер и, если потребовалось, свечку бы подержал. А так они в курсе, что будет, если их рабочие отношения перетекут в личные. Уволю. Варшавскую. И Бессонов об этом осведомлён. Нет незаменимых людей, и рано или поздно я найду вторую такую же Варшавскую, а такого преданного придурка как Бессонов — никогда. Преданность — кит, на котором держалась наша дружба со времен службы по контракту.

— Я пока не нужна? — спросила Яна.

— Кофе... — напомнил ей.

— Обижаешь... — она закатила глаза и с прямой спиной направилась к двери, которую через секунду аккуратно за собой закрыла.

— Здесь есть стулья, — подсказал Бессонову, который, сидя на столе, продолжал пялиться на дверь.

— Назревает серьезный разговор? — развернувшись ко мне, Саня понимающе усмехнулся.

Я сел в свое кресло. Пару секунд ждал, пока друг прижмётся, потом спросил:

— Что с *ее* телефоном?

Хоть Бессонов и проверял каждый раз кабинет перед моим приходом на наличие жучков и других насекомых, однако в целях безопасности мы никогда не называли имена.

— Тишина, — пожал плечами он. Вытянув руки по столу

и сцепив ладони в замок, откинулся на спинку стула.

— В чем сложность? — процедил я.

Меня не устраивал его ответ. Как и работа Самурая, нашего компьютерного гуру, в последнее время.

Пять лет назад от скуки Таир в одиночку виртуозно умыкнул исходный код популярнейшей сетевой игры. На его счету несколько взломов систем безопасности банков, так что проверить полудохлый андроид — для него как плюнуть.

Бессонов передал ему телефон девчонки больше четырех часов назад, за это время можно было хакнуть серверы НАСА.

— Я свечку не держал, но, кажется, у Самурая кто-то появился, — Саня усмехнулся и, поймав мой вопросительный взгляд, уточнил: — ну типа серьёзные отношения, вся эта романтическая поебень.

Я схватил валяющийся на столе карандаш и с хрустом его сломал.

— Да вы все охренели?! — рявкнул я. — У вас коллективное весеннее обострение идиотизма или че? Один серьёзные отношения заводит, два других — какого-то сраного сопляка упустили.

Я ничего не имел против личной жизни. До тех пор, пока она не мешала работе. Пусть трахаются на стороне с кем и сколько хотят, но никаких серьёзных отношений. Влюбленный волк — уже не хищник, а мне были нужны здравомыслящие холодные головы.

— Ну косяк, признаю, — развел руки в стороны друг. — Повторяю: всё как-то неожиданно получилось. Мы не собирались его нагибать. Просто приехали посмотреть — где живет и чем дышит. Я сам охренел, когда его увидел, — завёл песню, которую я уже слышал. — Пацан нас увидел и побежал. Мы за ним, там эта девчонка у помойки терлась. Я её сразу узнал. Вспомнил, когда мы по камере всех новичков отсматривали. Я два плюс два сложил, у меня картинка получилась, тем более девчонка тоже от меня чесанула. Я пока её догонял, Могила пацана упустил.

— Ну хуево, что могу сказать, — я взял со стола теннисный мяч и со злостью отправил его в стену.

— Согласен. — Бессонов встал со стула, поднял мяч и шмальнул им в меня.

Я поймал. Пару раз сжал в кулаке. Мигрень переместилась в затылочную область и насильовала мой мозг уже там. Эти приступы всегда осаждали меня после кошмаров. В последнее время они участились. В последнее время вообще всё подозрительно изменилось. Либо случайно, либо нет — в этом я и пытался разобраться.

— По остальным что?

— Отрабатываем, — отозвался друг.

— Долго отрабатываете, Саня, долго.

Их всего было четверо. Новички, которые устроились в «Бессонницу» в течение последних месяцев: два официанта, среди которых был наш беглец, танцовщица в клетке и ху-

дожница. Искать крысу мы начали с них. Не найдем среди вновь прибывших, продолжим среди ветеранов.

Два шмона за месяц — это уже тенденция. Такого за восемь лет ни разу не было. С моей-то крышей. Плюс ко всему у моей «крыши» моим «именем» заинтересовалась другая неслабая «крыша», значит, откуда-то произошла утечка. Откуда? От кого?

— Ускоримся. Слушай, Кир... — Саня выразительно задумался, — а если кто-то среди своих или...

Договорить Бессонов не успел. Два стука в дверь заставили его заткнуться.

Через секунду в кабинет вплыла Варшавская с подносом в руках. Аромат свежесваренного кофе ударил по рецепторам.

Друг скосил взгляд в сторону Яны.

Варшавская?

Да быть такого не могло! Или могло? Уж в ком, но в ней я не хотел разочаровываться. Она работала со мной уже больше шести лет. Я доверял ей и платил столько, чтобы у нее даже мысли не возникло это доверие подорвать. Тем не менее, я не исключал возможность, что кто-то мог заплатить больше.

Саня развернулся к ней всем корпусом.

— Янусь, золотце, — он заглянул в вырез ее рубашки, — а если тебе хорошо заплатить, ты бы стала стучать?

Твою мать...

Я знал Беспредела как свои пять пальцев, но иногда его

методы работы вводили в шок даже меня. Спросить в лоб у человека — крыса он или нет — прямо мастерство высшей пробы.

Идиот.

Варшавская, судя по всему, подумала так же и непонимающе уставилась на Бессонова округлившимися глазами:

— Что?

— Риторический вопрос.

— Кир, твоему начбезу нужен психотерапевт. Я давно об этом говорила, — Яна подошла с подносом ко мне и обеспечила чашкой изумительного кофе.

— Ты меня недооцениваешь, — хмыкнул Саня и глазами огладил задницу Варшавской. — Приходи ко мне сегодня на ужин. У меня матрас новый.

Я усмехнулся.

— Кирилл, я не шучу. Подумай над моим предложением. Не знаю, чем твой начбез руководствуется, но логику я уже давно исключила.

Бросив в Бессонова расстрельный взгляд и сообщив, что через пять минут приготовит рубашку, Яна покинула кабинет.

— Это что сейчас было? — поинтересовался я у друга.

— Эффект неожиданности, — беспечно пожал плечами он. — Обычно первая реакция самая говорящая.

— И что же тебе сказала её первая реакция?

— Она меня хочет, — Саня расплылся в самодовольной

улыбке и забросил руки за голову.

Придурок.

Хрустнув костями, Бессонов потянулся.

— Если окажется, что она нас сливает, сначала я ее трахну, а потом уже все остальное, — сообщил он.

— Это не Варшавская, — отозвался я.

— Не доверять твоей чуйке я не могу. Она у тебя как моя правая ладонь, — Бессонов расплылся в идиотской нахальной ухмылке, — никогда не подводила, — заржал недоносок.

— Заткнись! — я поморщился и маханул в него теннисный мячик.

Саня увернулся.

— Мазила, — прокомментировал он, после чего вернул своей физиономии серьезный вид. — Ты сейчас кого-нибудь трахаешь на постоянной основе? Может, оттуда ноги растут?

Иногда я задаюсь вопросом, каким образом мы сконнектились? А потом вспоминаю наше общее армейское прошлое, и всё встает на свои места. Я ценил преданность и не прощал предательство. Несмотря на придурь Бессонова, он тот, кто подставит свою задницу, чтобы прикрыть твою.

— Иди работай, — рыкнул я. — И чтобы через полчаса инфа по телефону девчонки была у меня, и мне класть, как ты это сделаешь, — я отвернулся и «разбудил» экран ноутбука, дав понять, что пора бы заняться делом.

— Воу, «папа» злится. Понял-понял, — Саня поднялся со стула и выставил вперед ладони. — Кстати, насчет девчон-

ки... она была убедительна. Думаю, она реально не при делах.

Я откинулся на спинку кресла и повернулся к Бессонову: — Слишком убедительна.

А еще слишком болтливая, дерзкая и будто бесстрашная какая-то. Попав в её ситуацию, среднестатистический нормальный человек так бы себя не вёл. Правильно — это когда страшно. Паника, слезы, истерия, мольбы, отчаяние, обмороки и прочее — правильно! А эта девчонка вела себя так, будто ей каждый день к голове дуло пистолета приставляют.

Она из детдома... В нем, если не сломаешься, так закалишься. Эта не сломанная. Взгляд у нее смелый. Бойкий. Дикий. И в отличие от других мотив у нее есть. Серьезный мотив.

Я был в «Бессоннице», когда мне позвонил Бессонов. Рассказал про их с Могилёвым вечернее приключение: про пацана и девчонку, у которой удалось узнать имя заказчика. Евгения Баженова. Много ли в мире людей с таким именем и фамилией? А в столице? Я хотел убедиться... И убедился.

— Она отработала у нас всего три дня. Что бы она успела нарыть? — резонно заметил Саня.

— Не знаю. Но ее приятель, который неожиданно оказался и соседом, и тем, кто рекомендовал ее к нам в художники, сейчас не появляется дома. Подозрительно?

— Просто совпадение. Случайность, — задумчиво пожал плечами Бессонов.

— Не исключено.

— Короче понял, ладно. Кир... — Саня криво усмехнулся, — а в Пойму ты зачем девчонку привёз?

Друг выжидательно уставился на меня.

Я знал, что рано или поздно он задаст этот вопрос. Он у него еще ночью на лбу транслировался, когда я принял решение отвезти нас не в «рабочую» квартиру, а к себе домой.

— Держи врага ближе... — брякнул первую пришедшую в голову чушь.

— А, ну да, — Бессонов снова усмехнулся. — Она мне тоже понравилась. Прикольная.

Тоже?

— У тебя всегда был отвратительный вкус, — произнес я. — Вали работать, — кивнул ему на выход.

Друг рассмеялся.

Как только за ним закрылась дверь, я шумно выдохнул. Достал из кармана телефон и открыл приложение видеонаблюдения. Камеры слежения были установлены во всех комнатах моей квартиры, кроме гостевой и двух уборных. Я нажал на изображение гостиной и увеличил картинку, сделав её полноэкранной. Комната была пуста. Я перевел камеру на свою спальню. В ней тоже никого не было.

С тех пор, как я уехал из Поймы, прошло полтора часа. Я не сомневался, что этого времени девчонке будет достаточно, чтобы сделать с моей квартирой примерно то же самое, что она организовала в комнате, которую я выделил для нее.

Но к моему удивлению и на первый взгляд всё было на своих местах.

Я загрузил третье изображение — кухни. Моя гостя была там. Точнее её половина. Я видел тощую задницу и ноги, а голова и полтуловища были спрятаны в открытом холодильнике, в котором, судя по всему, она искала что-то из еды.

Я попытался вспомнить, что у меня имелось. Кроме льда, лимона и пары бутылок виски — ничего.

Евгения со злостью захлопнула холодильник и, нахмурившись, грозно сложила руки на груди. Я даже через экран телефона почувствовал, как она меня кляла.

Я не хотел, но губы сами расползлись в разные стороны. Крутанувшись вокруг себя, девчонка начала лазить по шкафам гарнитура, который служил лишь интерьером. Я знал, что в нем она ничего не найдет, но мои брови взлетели к потолку, когда из ящика Женя вытащила нож. Покрутила его в пальцах, будто взвесила, осмотрела и потащила к себе в комнату.

Я ощутил на своем лице идиотскую улыбку и ничего не мог с этим поделать.

Всё стало только хуже, когда девчонка вернулась на кухню и прихватила еще один нож. Поменьше.

Я закрыл приложение. Еще пару минут пытался стереть со своего лица следы веселья и только потом набрал Яну.

— Рубашка и душ готовы, — дежурно сообщила она в трубку.

— Умница, — поблагодарил я. — Ян, у нас кто-нибудь из поваров уже пришел?

— Смеешься? Все подтянутся ближе к четырём. Хочешь перекусить? Сделать тебе сэндвич? — тут же засуетилась Варшавская.

— Спасибо, не надо. Закажи мне две порции обеда.

— Сюда? — уточнила Яна.

— В Пойму.

— О... ясно. Что бы ты хотел?

— Я тебе доверяю. На твое усмотрение.

— Сделаю.

По-быстрому приняв душ и переодевшись, через десять минут я с Могилёвым выдвинулся в Пойму и всю дорогу пытался держать губы на месте.

Глава 7.

Кирилл

Перед тем, как открыть дверь, я еще раз заглянул в Приложение и поискал вооруженного муравья, чтобы мне с порога не прилетел нежданчик.

Девчонки ни в одной из просматриваемых комнат не было, а значит, она затаилась в своей.

Не то чтобы я заходил в свою квартиру на палеве, скорее с предвкушающей опаской.

Внутри было тихо. Я прислушался к звукам, осмотрелся. По привычке бросил ключи от квартиры на консоль, сделал это намеренно громко, чтобы обозначить свое присутствие, а потом от греха подальше (по имени Евгения Баженова) спрятал связку в кармане брюк.

Разулся. Еще ни разу в жизни я не передвигался по собственному жилищу с настороженностью, причиной которой были не обиженные и мною оскорбленные, коих за годы могло скопиться вагон и маленькая тележка, а тощая мелкая вооружённая двумя кухонными ножами девчонка. Дерьмо в том, что я своими руками разложил себе мины, когда привез её сюда.

Я подошел к гостевой комнате. Тишиной за ней можно было бы порезаться.

Мой пульс был ровным и спокойным, но то, как я открывал дверь в спальню своей гостьи, было похоже на мое первое учение во времена службы по контракту, когда группой штурмовали учебную пятиэтажку, по легенде захваченную террористами.

Женя сидела в развороченной постели. Лохматая и хмуряя как столица в ноябре. Прямой, ровный, как стрела, взгляд был направлен в упор на меня. Обе ладони и нижняя половина туловища скрывались под пледом.

— Доставай, — я кивнул на ее руки.

Она дернула бровью.

— Доставай то, что там прячешь, — повторил я.

— Я там прячу ноги, — фыркнул боевой муравей.

— Медленно поднимай руки, — жестче потребовал я. —

Я знаю, что у тебя там.

Девчонка сощурилась, вероятно считая, что я блефовал, а потом, шумно выдохнув, вытащила из-под пледа нож.

— Бросай на пол, — потребовал я.

Она закатила глаза, но, на удивление, промолчала.

— Второй туда же, — произнёс я, как только нож оказался на полу.

Женя уставилась на меня огромными темными, как горький шоколад, глазами.

— Но как? — не удержалась она и с раздражением отправила второй нож к первому.

— Всё? — я приподнял брови.

Девчонка недовольно запыхтела как кипящий чайник.

— Пошел ты! На, подавись! — она разгневанно дернула из-под пледа рукой и достала оттуда вилку с погнутыми зубцами, а потом что-то швырнула в меня. Оно упало в шаг.

Я опустил глаза. Это был мой брючный ремень. Все-таки без рейда по моей спальне не обошлось.

Пока Женя недовольно бухтела себе под нос, я нагнулся и поднял ремень. Если с вилкой и ножами всё было понятно, то ремень... он был странной конструкции. В виде необычной петли.

— Что это? — поинтересовался я.

Гордо вскинув подбородок, Баженова процедила:

— Считаешь, что я поделюсь с тобой своими секретами самообороны? Я похожа на дуру?

Она далеко не дура, но я промолчал.

— Значит, ты собиралась обороняться? — спросил я спустя пару секунд. — И как бы ты это делала?

Мне в самом деле было любопытно, но девчонка недоверчиво на меня посмотрела.

— Покажи, — я поднял с пола нож. — Иди сюда, — протянул ей его.

— Ты прикалываешься? — скривилась она.

— Возьми нож и покажи, как бы ты оборонялась, — гораздо громче и грубее потребовал я.

Евгения покачала головой и резво вскочила с кровати.

— Ты все-таки псих.

В какой-то мере она была права...

Моя гостья сделала ко мне три неуверенных шага и остановилась в метре от меня.

— Бери, — я буквально вложил нож ей в руки. — Бей, — разрешил я, когда она обхватила рукоятку пальцами, кожа которых выглядела тонкой и бледной. — Куда ты будешь бить в первую очередь?

Женя настороженно покосилась исподлобья на меня, а потом на нож.

Я поднял руки вверх, давая понять, что полностью в ее распоряжении, и если бы я видел, что она владела техникой боя с ножом, меня запросто можно было бы «снять».

— Евгения? — позвал я ее. — Я нападаю на тебя... куда ты будешь бить?

— Ну-уу... — задумчиво протянула она, — в живот? — указала концом ножа в область моего пупка.

— Неправильный ответ, — покачал я головой. — Так ты никогда не обезвредишь и даже не напугаешь противника. Во-первых, ты держишь нож, будто собралась резать хлеб. Возьми его правильно, Женя. Держи только тремя пальцами, указательный свободно перемещай по оставшейся части рукояти. Большой палец положи на ее спинку, направляя острие в сторону противника. Пробуй.

Я был удивлен, когда мне не пришлось повторять дважды. Девчонка сделала ровно всё, что я сказал.

— Теперь стойка. Ноги на ширине плеч, колени чуть со-

гнуты. Наклонись вперёд, немного согнувшись в поясе, — я дождался, пока моя ученица займет верное положение. — Вытяни левую руку, правую слегка отведи назад и расположи близко к телу, чтобы противник не мог попытаться разрушить. Молодец, — я кивнул, заметив, что Женя всё сделала правильно. — Бить ты можешь сюда, — я показал на свою кисть, — сюда, — на предплечье, — и в плечо. Резкий режущий удар. Поняла?

Девчонка неуверенно кивнула.

— Пробуй.

— Ты ненормальный, — шумно выдохнула она.

— Бей, Женя.

— Слушай, спасибо за ценный мастер-класс, но давай лучше...

— Женя! — я повысил голос. — Представь, что я маньяк, и у тебя есть единственный шанс на спасение.

— Мне и представлять не нужно, — хмыкнув, пробурчала она.

— Атакуй.

— Я не буду, — капризно пробормотала.

Я собирался надавить на нее посильнее, но внезапный рывок в мою сторону и выброшенная вперед рука с ножом заставили инстинктивно уклониться и захватить тонкое запястье с пером. Контролируя силу, я выгнул девчонке руку так, что нож вывалился из её ладони, и, обхватив шею локтем, прижал к себе спиной.

От нее исходил жар. Он застрял между нашими плотно соединёнными телами — ее спиной и моей грудью. Под пальцами я чувствовал, как бешено трепыхается ее пульс. Женья дышала часто и хватала ртом воздух, которого ей не хватало из-за моего локтя на хрупкой шее. Но она не боялась. Не пахла страхом. Она пахла природной естественностью: её волосы, висок, скула, в миллиметре от которой, слегка наклонившись, я не сдержался и провел носом.

— Молодец. Ты застала меня врасплох, — похвалил за внезапный экспромт. — Но ты не должна забывать, что тот, кого ты атакуешь, может владеть техникой обезвреживания. О ней я расскажу тебе позже, — задев кончиком носа ее висок, прохрипел я одновременно с тем, как в прихожей раздался звонок видеодомофона.

Глава 8.

Женя

Как только за парнем из доставки закрылась дверь, в мою комнату залетели ароматы еды. Их было много, и все они были разными и обалденными. Закончив себя доедать, мой желудок напомнил, что ела я в последний раз вчера днем.

У этого психа я не нашла ни куска хлеба. Понятно, что такие люди, как он, дома не питаются, но тогда зачем ему посуда и прочее?

— Иди разбирай, — Кирилл, заглянув ко мне, кивнул на пакеты в его руках. Это был приказ, потому ответ ему не потребовался.

Я поплелась на кухню вслед за ним. Не то чтобы я делала это через силу, всё же я надеялась, что мне хоть что-нибудь перепадет. Хотя бы пакет, пропитанный запахами еды.

Я нерешительно остановилась на пороге кухни.

Кирилл, поставив пакеты на стол, повернулся ко мне.

— Я не заметил у тебя проблем с пониманием, — произнес он, и я сочла это за комплимент. — Разбирай, — он снова кивнул на пакеты.

— Ты для этого сюда меня привез? — фыркнула я и сделала к столу два шага. — В качестве прислуги? Если так, я, знаешь ли, не очень по хозяйству.

И это не сарказм. Я правда недостаточно подкована кон-

кретно в быту. И разговоры о том, что дети, воспитанные в детдоме, зачастую неприспособленны к жизни, не легенды. Лично я, когда покинула детдом, столкнулась с множеством бытовых проблем, которые за нас решал персонал. Несмотря на то, что нам давали уроки кулинарии, я ни черта не умела готовить. Только что-то очень легкое и простое.

— Ты слишком много болтаешь. — Вроде и культурно, а заткнул.

Послав моему похитителю мысленный фак, который единственный за меня, сироту, заступался, я принялась разбирать пакеты. В них было столько контейнеров с едой, что можно было бы накормить одну из стран Африки. У меня разбежались глаза, когда я выставляла на стол всё, что имелось, и старалась дышать через раз, чтобы не обольщаться. Вдруг, он посадит меня рядом и заставит смотреть, как он будет есть. Извращенцы всякие бывают. Может, он как раз из таких.

Когда я закончила выкладку, поймала странный взгляд Кирилла. Он с немым вопросом смотрел на стол, на котором в хаотичной последовательности я расставила контейнеры. Не знаю, может, псих ждал от меня сервировки или что-то вроде того, но я ясно дала понять, что:

— Быт — не самая сильная моя сторона.

— Я заметил, — он согласился со мной. — Прятать ножи и странные конструкции из моего ремня у тебя получается гораздо лучше.

Это что, насмешка?

— Вообще-то это были самодельные наручники, — оскорблённо, но с гордостью произнесла я.

Кирилл задержал на мне внимательный взгляд.

— Любопытно, — его брови красиво изогнулись, по одной из которых через секунду он провел пальцем. — Откуда ты знаешь, как делать из ремня наручники?

— В детском доме и не такому научишься, — хмыкнула я. Быт бытом, а вот умение постоять за себя и свои малочисленные пожитки было отточено мною до совершенства. — Если бы я нашла у тебя прищепку, батарейку и леску, смогла бы протянуть растяжку на входе в «свою» комнату, — неожиданно выпалила я.

Я не собиралась с ним откровенничать. Тем более заикаться про детский дом, но иногда мой язык — мне враг, и теперь, когда Кирилл снова смотрел на меня тем самым изучающим, пробирающим до нутра взглядом, я не знала куда от него спрятаться.

— Садись, — он кивнул на стул.

Я не могла сопротивляться. Его взгляд... подавляющий, жесткий, сильный. Он так умело им пользовался, что у меня не было возможности отказаться, ведь меня никто и не спрашивал.

Я села. Через секунду передо мной оказались вилка, нож и пустая тарелка. Этот же набор Кирилл организовал для себя.

Мы что, будем есть? Вместе? За одним столом?

Я, в не первой свежести тряпках, и этот накрахмаленный пижон?

Черт возьми, это было странно. Всё это было странно — запереть меня в шикарной квартире, учить технике владения ножом, кормить едой явно не из привокзальной забегаловки...

Я ничего не понимала. Будто я находилась в параллельной реальности и смотрела на себя со стороны. Именно так я воспринимала происходящее — как сон. Но он не был кошмаром, как те, что часто мучали меня ночами, и мне не было страшно. Совсем нет.

— Ешь, — скомандовал Кирилл и сел напротив.

Над столом повис сгусток густого напряжения.

От кончиков пальцев вверх расползлась волнующая рябь и сконцентрировалась на скуле. В том месте, где моей кожи касалось дыхание Кирилла, когда он прижал меня спиной к себе.

Мои глаза несколько раз очертили круг пустой тарелки.

— Ешь, Евгения, — прозвучал холодный уверенный голос, который каждый раз будто надавливал в моей дурной голове на какие-то точки, высыпающие наружу мурашки. — Не отравишься.

Вот уж об этом я точно не думала. Может, у меня полетел датчик системы самосохранения, но сейчас перспектива быть отравленной меня мало волновала. Точнее совсем не волновала, но вопреки я произнесла:

— Думаешь, я могу тебе доверять?

Кирилл едва заметно усмехнулся. Отклонился на спинку стула и скрестил руки на груди. Рукава хрустящей белоснежной рубашки обтянули его плечи и предплечья. На запястьях высокомерно поблескивал браслет дорогих часов. Его тело было спортивным и безупречным. В этом я не могла себе врать. В меру развитая мускулатура груди, красивый, породистый овал лица, глаза цвета ртути, длинные ровные пальцы. Мужчина, сидящий напротив меня, был настолько ухожен и естественен в этом, что стало завидно. Под столом я свела бедра вместе и поерзала по сиденью.

Кто он такой? Чем занимался? Кирилл не выглядел как общепринятый преступник. Для этого он был слишком хорош собой. Но, черт возьми, он два раза скрутил меня как профи, будто выкручивать людям руки — такое же повседневное занятие, как почистить зубы.

Костяшкой указательного пальца Кирилл несколько раз провел по подбородку.

— Ты *можешь* мне доверять, — сообщил он.

— Ты же понимаешь, как абсурдно это звучит в моей ситуации? — усмехнулась я.

— Тем не менее... — пожал он плечом, не переставая смотреть мне в глаза.

Я не знала куда спрятаться от этого взгляда. И от вновь возникшей волнующей тишины, застрявшей между нами парящей в воздухе шаровой молнией.

В такие секунды мне казалось, что мой похититель куда-то на мгновение выпадал — тоже в другую вселенную или реальность, но, когда возвращался, все резко менялось.

— Что ты делала в «Бессоннице»? — произнес Кирилл. Очень жестко. Даже грубо. Словно по щелчку сменил направление нашего взаимодействия. Он вертел им как ему вздумается, и сейчас я чувствовала себя так, будто меня посадили на электрический стул и мое любое неверное слово будет использовано против меня.

— Ночной клуб? — я осторожно уточнила, хоть и не имела других вариантов. «Бессонницу» я знала только одну, но было не понятно, зачем Кириллу эта информация.

В ответ на мой вопрос он кивнул.

— Расписывала барную стойку, — я прямо ответила под прощупывающим не только мои слова, но и меня всю, взглядом: как я говорила, с какой интонацией и с каким выражением лица.

Мои ладони вспотели. Соединив, я спрятали их между коленями под столом.

— Как ты туда попала? — Кирилл подался вперед, сократив между нами дистанцию, и этого расстояния оказалось достаточно для того, чтобы я почувствовала себя загнанной в угол.

Это похоже на допрос. Кирилл не церемонился со мной, тем не менее у меня не возникло претензий и желания противостоять этому, ведь я не в том положении и, возможно,

этот разговор — начало пути к моему освобождению.

— Мой сосед, Антон, подкинул шашку. Сказал, что в «Бессонницу» требовался художник. Он предложил меня, и мою кандидатуру утвердили, — сообщила я, и озарение прилетело как внезапный удар по затылку.

Антон, «Бессонница»... Но развиваться этой мысли Кирилл не дал, оборвав ее следующим вопросом:

— Кто утвердил твою кандидатуру?

— Откуда мне знать? — удивилась я. — В течение трех дней, пока я работала, со мной контактировала только... — я задумалась, — девушка... не помню, как ее звали. Она же со мной потом рассчитывалась.

— Яна?

— Кажется, да. Только мне она представилась по имени-отчеству.

— Каким образом твой сосед попал в «Бессонницу»?

— Я не знаю, — выпалила быстро. — Антон говорил, что ему повезло, и он удачно прошел собеседование. Это всё, что я знаю. Мы не настолько близко общались, как могло показаться.

Кирилл откинулся на спинку стула, при этом не переставая меня изучать.

Я ждала очередного вопроса, которого ни через секунду, ни через две не поступило. За это время я успела пробежаться глазами по достойному развороту мужских плеч, крепкой шее, линии подбородка и провалиться в густой сизый туман

его внимательных глаз.

— Вы его нашли? Антона... — сглотнув, поинтересовалась я.

Задержав на моей скуле взгляд там, где у меня имелся маленький белый шрам, мой собеседник исчерпывающе и содержательно ответил:

— Ищем.

— Я могу узнать, что натворил Антон и в чем вы подозреваете меня? Даже преступников информируют в чем их обвиняют, а я понятия не имею, почему здесь.

Взгляд Кирилла очертил мои плечи, которые дернулись, когда из прихожей раздался телефонный звонок. Явно не мне, ведь мой телефон отобрал у меня Беспредел еще рано утром.

— Ешь, — встав со стула, обыденно произнес мужчина.

Его бесшумные шаги я больше представляла нежели слышала.

Оставшись на кухне одна, я словно скинула хитиновую прочную шкуру, в которой мне было ужасно жарко, тесно и душно. Мои напряженные до состояния гранита плечи упали. Я снова могла ощущать запахи еды, которые растворились в аромате тяжелого мужского парфюма.

Я осмотрела стол. Все выглядело аппетитно, но я продолжила сидеть неподвижно, прислушиваясь к голосу и словам Кирилла. Я надеялась, что звонок касался меня, Антона и информации о том, что его нашли.

Я напряглась, почувствовав приближение. Обернулась и увидела Кирилла, возвращающегося в кухню.

— Меня не будет до позднего вечера. Не знаю, во сколько вернусь, — буднично сообщил он, остановившись рядом со мной. Я подняла к нему лицо. — Имей в виду, когда соберёшься нашпиговать комнату вилками и ножами, я узнаю об этом раньше, чем ты успеешь их донести.

Сказав это, мой похититель развернулся и направился к двери, пока я пыталась переварить услышанное.

Я настигла его раскладывающим по карманам свои прищипки в прихожей.

— Ты следишь за мной по камерам, да? — вывалила на него свой инсайт.

Претензия и возмущение на моем лице слишком яркого оттенка, чтобы их можно было не заметить, но псих сделал вид, будто не услышал меня.

— Не скучай, — он взялся за дверную ручку.

— Ты чертов извращенец! — я кинулась вперед, но дверь передо мной резко закрылась. — Гребанный сталкер! — я ударила ладонями по полотну. — Ненавижу! Ненавижу! — всадила в дверь кулак. — Выпусти меня! Открой! — начала дергать ручку.

Отчаяние обрушилось как стихия.

Бедный Джек. Бедная я.

Скатившись на пол по двери, я прижалась к ней спиной и разревелась.

Глава 9.

Кирилл

Уже в коридоре были слышны голоса Бессонова и Могилёва. Среди своих последний носил прозвище Могила. По паспорту он Виктор Могилёв. Тихий, молчаливый, умеющий держать язык за зубами и, несмотря на устрашающий внешний вид, самый эмпатичный сукин сын в нашей команде. Витя мог запросто сломать кому-нибудь нос, а потом просить прощения у Бога за это. Без понятия, каким криминальным богам он молился, в любом случае я не по этой части.

Могилёв в деле практически со дня его основания. Я присмотрел его в задрипанном пабе на окраине Москвы, где он работал вышибалой. Первые годы после армейки нам с Бессоновым только такие убогие заведения были по карману, через пару лет все кардинально изменилось.

Толкнув дверь, я вошел в свой кабинет. Парни сидели напротив друг друга за столом, на который мой начбез бесцеремонно закинул ноги. Оба рубились в игрушки на телефонах.

— Тупая ты лысая башка! — заорал Саня, глядя в экран.

— Не сквернословь. Моя лысина — это полянка, вытопанная умными мыслями, — философски отозвался Могилёв.

лёв — человек, глядя на которого можно обделаться от страха.

— Че?! — заржал Бессонов и оторвался от телефона. Наконец заметил меня. — О, строгий папка пришел... — расплылся в улыбке и скинул ноги со стола.

Я бросил ключи от тачки на стопку бумаг и сел в кресло.

Две пары глаз уставились на меня.

— Слушаю вас, умники.

Вытянув руки по столу, Саня принял серьёзный вид, который я требовал, буравя его лицо взглядом.

— Мы его нашли. Он чист, — сообщил он.

— Уверен? — я подцепил теннисный мяч, который благодаря Яне всегда был под рукой, и начал его сжимать в ладони.

— Кир, — Бессонов откинулся на спинку стула, — мы нагнули его так, что еще немного — и пацан признался бы во всех смертных грехах мира. Он шкерился дома у бабки. Проигрался на ставках, влез по самые яйца в долги. Когда встретил нас, решил, что мы пришли бабло с него трясти, вот он и дал по газам. Насчет девчонки... история один в один с ее версией, — друг достал из кармана джинсов телефон и пустил его скользить по столу ко мне, — такая же тема с ее мобилой. Все кристально чисто. Начали отрабатывать второго официанта, — дежурно отрапортовал Саня.

Я развернулся в кресле и уперся ногой в рядом стоящую тумбу. Отправил теннисный мяч в стену. Отрикошетив, мяч

вернулся в ладонь по той же траектории.

Кристалльно чисто... Возможно. А может, и нет.

— Ладно, я понял, — кивнул парням, дав понять, что они услышаны мной.

— Так че теперь с девчонкой? Пуганем и отпустим? —

Саня с предвкушением поиграл бровями, и я едва сдержался, чтобы не садануть мяч в его довольную не к месту рожу.

— С ней я сам разберусь, — я вернулся за стол. Разбудил экран ноутбука. — Ищите дальше.

— Как скажешь, босс-сс... — усмехнулся Бессонов.

Заскрипели стулья. Через минуту мой кабинет погрузился в тишину, в которую периодически залетали звуки из коридора.

Я вытянул руку и взял старый андроид. После того, как в нем покопался Самурай, с разблокировкой не было проблем. Дисплей ярко вспыхнул. В качестве заставки на экране было установлено фото — крупным планом улыбающееся лицо Жени и морда ее одноглазого стремного кота. Я быстро пролистнул контакты в справочнике, а потом ткнул по иконке галереи. В ней было миллион фото и изображений. Миллион фотографий рыжей мохнатой морды и каких-то эскизов, набросков, скринов... Среди этого многообразия совершенно ненужного, как по мне, дерьма я увидел снимок. Абсолютно некачественный и, возможно, ему было уже пару лет, но он обратил на себя мое внимание. Темный, нечеткий фон, на котором в кожаных обтягивающих штанах и белой короткой

футболке то ли кружилась, то ли танцевала девушка. Женя. Она смеялась. Открыто и широко. Не на камеру, а естественно, кажется, даже не замечая в тот момент, что ее снимали.

Я отправил это фото себе.

Без понятия на черта. Я в последнее время функционировал на интуиции, хоть и старался придать ей логическую огранку, но она приводила к тому, что мои предположения так и оставались ничем не подкрепленными предположениями по факту.

До вечера я пытался разобраться с горой бумаг, которая ни хрена не уменьшалась благодаря Варшавской, то и дело подбрасывающей документы на подпись. Я мог бы послать все в задницу, в конце концов, дожив до тридцати четырех и этого, охренеть какого важного, кресла, я уже мог себе это позволить. Я мог позволить себе не появляться в «Бессоннице», и ничего бы не изменилось. Этот двигатель уже давно автономно и без моей помощи отлично работал, но сегодня я просиживал штаны до последнего. Сам отсматривал видеозаписи, вникал в каждый документ, который подписывал...

Два привычных стука в дверь оторвали меня от экрана ноутбука.

Варшавская влетела в кабинет, и ее глаза светились как два диско-шара.

— Сейчас был выкуплен последний билет. Ты понимаешь, что это означает?! Кир, завтра будет полный солд-аут! Ни одного свободного места! — Яна фонтанировала энтузиазмом,

словно в ней находился неиссякаемый источник энергии.

— Поздравляю, — проведя ладонью по лицу, я воткнулся затылком в спинку кресла, — ты герой.

Это не лесть и не ложь. Похвалой я тоже не часто разбрасывался, но если делал это, то всегда обоснованно. Солд-аут — это несомненно успех. Успех Яны. Держать в топе «Бессонницу» — колоссальная работа, и я не мог этого отрицать.

— Я знаю, — остановившись в паре метров от меня, Варшавская оперлась бедром о стол. Сделала глазами медленный круг по моему лицу.

— Выпиши себе премию. Я подпишу, — в ответ я изучал ее: утонченное привлекательное лицо, тёмные аккуратные брови, идеально уложенные длинные волосы, тонкая изящная шея...

Губы Яны изогнулись в красивой улыбке.

— Обязательно. Ты выглядишь уставшим. Сделать кофе?

Я прикрыл на секунду глаза. Кофе не поможет, хоть литрами жри.

Я хотел выспаться. Первичная человеческая потребность во сне, которой я был лишен. Просто уснуть, и чтобы меня не возвращало туда, где под ногами скрипели осколки битой посуды, а от запаха крови тянуло блевать.

Я открыл глаза и мотнул головой.

— Я домой. Тебе тоже пора, — произнёс на выдохе.

Варшавская понимающе кивнула и, пожелав хорошего вечера, покинула кабинет.

Я закрыл все вкладки на компе и на автомате почистил историю посещений. Доступ к ноуту был только у меня, Бессонова и Самурая, но я всегда перестраховывался.

Через час я уже стоял на пороге своей квартиры и знал, что меня ждет.

Из гостиной по полу сочился тусклый бликующий си-не-желтый свет и орала музыка. Все признаки жизни концентрировались там, эпицентром была Женя, расположившаяся на диване напротив впервые включенной плазмы. На экране транслировался музыкальный клип — какая-то иностранщина, которой моя надравшаяся гостья пыталась невнятно подпевать. В руке — бокал с содержимым на два пальца, на полу — пустая бутылка с виски. Та, что с двух порций которой мне удалось отключиться сегодня утром, но не спрятаться от кошмаров. Подозреваю, Евгения делала примерно то же самое, когда напивалась, — пряталась от кошмара, то есть от меня. Но это не точно. Мне сложно предугадать, о чем она думала, непредсказуемость этой девушки — занимательный аттракцион.

Я оставался для нее незаметным. Расфокусированное внимание Жени было обращено к экрану, когда я взял со спинки дивана пульт от телевизора и его выключил.

— Что за... — Женя завертела головой по сторонам и вместо пульта отыскивала меня. — Какого...? — ее мутные глаза округлись. — Как... ты здесь? Вот черт... — пробор-

мотала она бессвязно. Ее язык едва ворочался.

Я бросил пульт на журнальный столик, а потом принялся поочередно расстёгивать пуговицы на манжетах.

— Развлекаешься? — не сводя с нее глаз, я подвернул левый рукав до локтя.

Женя облизнула красные, как спелые вишни, губы и вызывающе улыбнулась.

— Ты п-просил меня не скучать, — она повела плечом. Её карие глаза блестели и отражали потолочную подсветку. Тени ресниц плясали на порозовевшем от виски лице. Не переставая следить за моими движениями, пока я подворачивал второй рукав, она опрокинула в себя остатки спиртного и с намеренным стуком поставила пустой бокал на журнальный столик. — Как видишь, я от-т-лично провожу время в этой 3-зол-лотой клетке, — обвела рукой пространство гостиной. — Хочешь выпить со мной?

Я спрятал ладони в карманы брюк.

— Кажется, тебе уже достаточно.

— У-у-у... — протянула Женя, — ты зануда, мистер Всезнайка. Такой же скучный, как и твои рубашки! — прошипела она, медленно моргая. — А ты в курсе, что твои рубашки белые? В-все до единой, — её язык заплетался. — Это же... — Женя поморщилась, — отвратительно скучно. Надеюсь, ты принимаешь анти-деп-рес-санты, — с трудом выговорила она и, откинув голову, рассмеялась. — Ой... — резко сменила настроение, став до иронии серьезной, — я позаимство-

вала у тебя одну, — она развязно провела ладонью по ткани сорочки. Моей. Не прикрывающей и середины ее оголенного бедра. Пара верхних пуговиц была расстёгнута, и в этом смелом вырезе проглядывались очертания белого бюстгалтера. Сглотнул. — Ты же не убьешь меня за рубашку? — закусила губу и подняла ко мне затуманенные глаза.

Я скользнул взглядом по ее обнажённым ногам, которые она подобрала под себя, сидя на диване. Кожа цвета теплого молока... Распушенные влажные светлые волосы...

Молча сел в кресло напротив и приготовился слушать дальше. Увлекательное зрелище.

— Не убьешь, — она наставила на меня указательный палец. — Если ты раньше этого не сделал, то... пф-фф, — шумно выдохнула. — Кто ты, черт возьми, такой? Ты бесшумно вламываешься в квартиры, похищаешь людей, носишь часы стоимостью двух моих проданных почек и владеешь техникой само...самобо... черт...

— Самообороны, — подсказал я.

— Да! — Женя щёлкнула пальцами. — А еще ты следишь за мной по камерам, — она попыталась выпрямиться, но обессиленно завалилась и уперлась плечом о спинку дивана, — как тебе мое маленькое представление? — облизнула вишнёвые губы.

Я оторвал от них взгляд.

— Представление? — уточнил.

— Я воспользовалась твоей охренительной ванной, — она

мотнула головой, и влажные волосы упали на лицо. Вскинув руку, Женя небрежно смахнула их с лица.

— В моей охренительной ванной нет камер. Как и в твоей комнате.

— Серьезно? — она капризно надула губы. — Жаль, тебе бы понравилось, — зевнула, не потрудившись прикрыть рот.

Я спрятал за кулаком улыбку, сорвавшуюся с губ.

— Не сомневаюсь, — прокомментировал я и поднялся с кресла. — Давай-ка я помогу тебе добраться до постели, — я подошел к Жени и протянул ей руку.

— Хочешь затащить меня в постель? Я так и знала, — пьяно рассмеялась она.

Я подхватил ее за талию, когда, встав, она пошатнулась. И не сопротивлялся, когда моя ладонь сползла на ее поясицу, собрав под себя край рубашки и оголив ее задницу.

— Ты не м-м-милый парень, — повернув ко мне голову, Женя грозно сообщила мне в лицо, пока я медленно вёл её в спальню.

— Нет, — усмехнулся.

— Тогда почему у тебя такие длинные и пушистые ресницы? — она попыталась дотянуться свободной рукой до моего подбородка, но я перехватил ее запястье и сжал в своей ладони. Тонкие пальцы были горячими и хрупкими. — Кто ты такой? Знаешь, твое лицо мне кажется знакомым.

— Тебе кажется, — мы вышли из гостиной.

— Да... — кивнула она, — ты прав. Я бы запомнила такого мерзавца... — зевнула. — Я хочу спать, — сообщила доверчивым шепотом.

— Я это понял.

Мы вошли в комнату. В ней по-прежнему присутствовал бардак. И лунный свет, бьющий в окно и служащий единственным источником освещения.

— Нам сюда, — я повел ее к кровати. Тело в моих руках становилось податливее и мягче. Я осторожно пришвартовал его на постель.

Осмотрелся, выискивая подушку. Та валялась на краю кровати. Когда я за ней потянулся, вокруг моей шеи обернулись руки, и мои глаза оказались напротив карих. Всего в паре сантиметров друг от друга. Взгляд с дымной хмельной поволокой медленно плавал по моему лицу. Женя горячо и пьяно дышала мне в губы. Чем-то одновременно сладким и горьким. Виски, перемешанный со спелой вишней.

— Ты - неприлично красив, знаешь? — пробормотала она, не прекращая меня разглядывать. — Если бы ты не был подонком, я могла бы на тебя запасть.

— Ты пьяна.

— Да, — медленно кивнула, — и, к счастью, завтра я не вспомню, что говорила тебе об этом, — сонно прошептала она, и отяжелевшие веки сомкнулись.

Я снял с себя руки Жени и отстранился.

Шумно выдохнул, пытаюсь унять набирающие обороты

пульс и стояк.

Выйдя из комнаты, я потащил свою задницу к холодильнику, в котором охлаждались две бутылки виски. То, что мне было необходимо.

Глава 10.

Женя

Я знала, что с утра мне будет хреново, поэтому проснулась в полдень. Да, черт возьми, я умела решать проблемы! Жаль, что не всегда эффективно. Сейчас был тот самый случай. Я чувствовала себя мерзкой растекшейся по простыни слизию и не могла собрать в кучу свои части тела. Всё было каким-то неподъемным, чужим, оторванным от меня. При этом голову распиливало напополам, а гадкий дятел позарился на мои виски. Хуже всего было во рту. Конкретно жажда и вытащила меня из постели.

Меня шатало, когда я проползала мимо гигантского глянцевого шкафа. В его отражении я и увидела себя во всей красе: со взбитым гнездом из волос на голове и в съехавшей с одного плеча мятой мужской рубашке с нелюбезным пятном прямо под воротником.

Это было смело и нагло с моей стороны — рыться в его вещах и облачаться в одну из них, но после горячего душа, где я устроила небольшой несанкционированный потоп, мне было неприятно надевать свою грязную одежду.

Заценив свой внешний вид, я удрученно прикрыла глаза. Мрак.

Вчера я, мягко говоря, переборщила. Просто опыта напиваться в говно у меня не было. Но я так боялась оставаться с психом на ночь наедине, что обеспечила себя анестезией. Да, определенно я умела решать проблемы...

Мои брюки и футболка валялись на полу рядом с кроватью. Нагнуться за ними — героизм в моем состоянии, и хватило его только на трико. Я заправила в них рубашку. Все равно хуже, чем есть, быть не могло. Так что заправленная мужская рубашка в спортивные штаны — не то, из-за чего стоило беспокоиться.

Больше всего меня волновало другое. Если мой «трезвый» язык и до киллера доведёт, то что тогда ждать от «пьяного»? Я могла наговорить что угодно, но, к счастью, не помнила ничего, однако раз я была жива, значит, не всё так плохо. Наверно.

Я приоткрыла дверь и высунула в проем голову. Она кружилась. Или это предметы вокруг меня вращались?

В квартире было очень тихо, но я не обольщалась в том, что могла быть одна. Со сверхспособностями психа я уже ни в чем не уверена.

По стеночке я доползла до кухни.

Вчера я запихнула в себя еду, но только потому, что мне нужны были силы. На столе я целенаправленно оставила бардак. Я не свинья, но и не просила меня похищать. Так что какие вопросы? А они были, ведь кухня сияла чистотой, будто ее вылизала сотня Золушек.

Осмотревшись, я метнулась сразу к крану и принялась жадно глотать воду прямо из-под него. Во-первых, я уже знала, что никакого графина с кипяченой водой здесь не водилось. Во-вторых, я была уверена, у этого накрахмаленного индюка можно было пить даже из унитаза. Никогда еще вода не была такой вкусной! Я пила и не могла напиться. Ровно до тех пор, пока голос за спиной до чертиков меня не напугал:

— В твоей комнате на тумбочке стоит стакан с водой.

Я вздрогнула и чуть не подавилась.

Вытащив голову из раковины, медленно и неохотно обернулась.

Спрятав ладони в карманах чёрных классических брюк, это черт из табакерки стоял в трех широких шагах от меня. Как обычно до тошноты вылизанный, отутюженный и с привычным нечитаемо - каменным выражением лица.

— Я не увидела, — сообщила осипшим, как у опытного выпивохи, голосом. — Ты меня напугал, — выдохнула. Как ему удавалось передвигаться так тихо?

Не знаю, как правильно охарактеризовать его склонность оставлять без ответа мои реплики — особенность ли это или хамство, но я поймала себя на мысли, что начала привыкать к этой неординарности. Как и к молчаливому взгляду, которым Кирилл, как пинцетом, филигранно орудовал по моему лицу. Но это не означало, что мне не интересно, что скрывается за его молчанием. О чем он думал, когда вот так смотрел на меня?

Чем больше он молчал, тем больше мне хотелось говорить. Забавно, я находилась здесь всего лишь сутки, а уже обзавелась привычками.

— Извини, — произнес он. — Как ты себя чувствуешь?

На этот раз я не торопилась отвечать. Прощупывала почву этого вопроса — какой скрытый смысл в нем таился. Уж точно не забота. Однако мимика Кирилла оставалась неподвижной, да и у меня настолько технично, как у него, не получалось работать пинцетом по его лицу.

— Точно так же, как выгляжу, — ответила я спустя время.

Взгляд Кирилла скатился к вырезу рубашки, а потом вернулся к моему лицу.

Я поймала краткосрочную потерю равновесия, и причиной тому было не мое паршивое состояние, а взгляд, который успел побывать в вырезе — мужской и недвусмысленный. Без фильтров, оценивающий меня, как мужчина оценивает женщину, и мимолетным оттого, что ее, женщину, во мне не нашел.

Этой секунды стало достаточно, чтобы почувствовать себя той самой Женькой из детдома. Несуразной пацанкой, диким волчонком, смотрящим на всех исподлобья. Готовой кусаться и драться с такими же одинокими, но уже освоившимися волчатами.

Я попала в детский дом, когда мне только-только исполнилось семь. Я не помню, как это было. Я забыла, что чувствовала! Словно мой детский мозг специально уберег меня

от травмирующих воспоминаний. Их обрывки время от времени нагоняли меня во снах, и они страшные. Они сворачивали мою кровь, пугали! Я плакала. В своих снах я всегда плакала. Крики, звуки разбиваемой посуды, темный шкаф и силуэт, которой я видела через полоску между дверьми. Он приближался, а потом я просыпалась. Всегда на этом моменте.

Оставив мой ответ без комментария, Кирилл нырнул в передний карман брюк и извлек оттуда телефон.

— Включишь его, когда будешь дома, — протянул его мне.

Легкая тошнота не позволила сразу сообразить, что этот телефон мой.

— Дома? — заторможенно переспросила я, с опаской глядя на гаджет в вытянутой ладони Кирилла.

— Это то место, где ты живешь, — уточнил как для слабоумной. — Тебя ждут... — они кивнул себе за плечо.

Я не блистала великим умом, но слабоумной никогда себя не считала. Может, и зря. Потому что сейчас я действительно ничего не понимала. Но и Кирилл мне не помогал: ни его поза, ни выражения лица, ничего, что могло бы подсказать — что происходит?!

— Женя, возьми телефон, — его голос стал тверже.

В моей голове хаос. Торнадо, в которое закручивались миллион вопросов и бессвязных мыслей.

— Мы едем ко мне домой? — медленно забрав телефон,

спросила я, не переставая смотреть на Кирилла.

Он был невозмутим.

— Ты. Едешь. К себе. Домой, — ответил членораздельно.

— Ты свободна.

Я не могла поверить свои ушам.

— Это шутка такая?

— А тебе разве смешно?

Нет, черт возьми! Мне... мне непонятно!

В крови разогнался жар.

— Ты... меня отпускаешь? Вы нашли Антона? Что он сказал? — сумбур, который творился в моей голове, транслировался через рот.

— Не о том беспокоишься, Женя, — процедил Кирилл.

— Я могу передумать. Иди, — он снова кивнул в сторону прихожей.

Меня потряхивало. Это приступ панического страха вперемишку с неверием. Я понятия не имела, лгал ли он насчет моего освобождения или нет, но не стала проверять крайнюю степень его терпения и, пока он не передумал, бросилась в прихожую.

Сердце скакало.

У входной двери топтался Могила. Он приветственно подмигнул, увидев меня, и улыбнулся уже знакомыми ямочками на круглом лице. В свете потолочных ламп его лысина блестела и отливала желтоватой гладкостью, будто ее старательно отполировали.

— Че, готова? — на позитиве спросил он.

Сжав в ладони телефон, я обернулась, впервые услышав шаги за спиной.

Кирилл остановился в трех метрах от меня. Его глаза не упускали мои глаза, и я с внутренним страхом ждала, что сейчас все закончится или окажется розыгрышем.

— Ничего не забыла? — прозвучал совершенно тупой вопрос от Могилы. Что я могла здесь забыть? Кроме своего имени от страха, ничего! — Тогда иди сюда, я тебя завяжу.

Мое дыхание сбилось, а глаза заметались между ним и Кириллом, который стоял неподвижно. Я металась внутри себя, не понимая природы этого смятения. Но в ней точно не было радости. Беспокойство, волнение, тревога и... протест. Да, совершенно точно это был протест.

Глаза Кирилла скользнули по моему лицу и задержались на губах прежде, чем я погрузилась в темноту. Снова повязка на глазах, снова тот же путь на ощупь, снова запах сырости и бензина и снова выворачивающее наизнанку неверие того, что это происходило со мной...

— Тебя ждет сюрприз, — хмыкнул Могилы, развязывая ткань на затылке.

Господи, еще один?

Свет лупанул по глазам.

Я сощуренно осмотрелась. Это была та же самая подземная парковка.

— Садись, — скомандовал Могилы, открыв для меня зад-

нюю дверь глухо тонированной черной машины.

На тяжелых в коленях ногах, я полезла в салон. Из меня вырвался изумленный вопль, когда на кресле я обнаружила клетку, в которой на меня одним глазом смотрел...

— Слушай, Пират вчера два раза обосрался. Я свозил его к доку. Ему выписали простынь лекарств, — Могила швырнул мне на колени полный пакет с аптечным принтом. — Короче, ему диета нужна. Ты там это... ну... корми его нормально, лады?

— Джек... — бесцветно отозвалась я.

— Че?

— Его зовут Джек, — пояснила, не моргая смотря в одну точку.

— Пират, — с нажимом произнес Могила.

Пират так Пират.

Я находилась в таком глубочайшем шоке, что стало откровенно плевать. Я просто не понимала, что внутри меня происходит. Почему мне хотелось реветь.

Как только машина тронулась, я сделала это — разревелась.

Глава 11.

Кирилл

Она плакала. И я тоже. Потому что ей было больно. У нее кровь на губе и щеке. Наверно, поэтому. А я плакал, потому что мне страшно и потому что хотел пойти с ней.

— Я вернусь за тобой, слышишь? — Ее лицо было мокрым.

Я быстро-быстро замотал головой.

— Я тебя заберу, подожди меня немного, я обещаю, — у нее тряслась нижняя губа, и я смотрел на это.

— Почему мне с тобой нельзя? — я хотел не плакать, я же уже большой! Но у меня тоже тряслась нижняя губа, наверное, так у всех, когда плачешь.

Она отвернулась и закрыла глаза. Потому что не хотела меня видеть или я был не нужен? Странно, ведь вчера я помог ей собрать разбитые тарелки и сам принес тяжелую бутылку с водой.

— Я могу еще принести воды, — сказал я, а она еще больше расплакалась и закрыла руками лицо. Этого мало, да?

Я не знал, что еще пообещать, но я мог бы помыть посуду, я уже мыл, я умел.

— Кирюша... — она села рядом со мной на корточки и взяла меня за руки. Ее ладони очень холодные. Она замерз-

ла? — Я никогда тебя не брошу, но сейчас так нужно. Я вернусь, я тебе обещаю, и мы с тобой вместе приготовим твои любимые оладушки, — она прижала меня к себе так близко, что моя спина захрустела. — Я люблю тебя, сынок. Я тебя очень-очень сильно люблю...

Она так быстро подхватила сумку, что я не успел сказать, что тоже очень сильно люблю ее.

— Мам, не уходи, — я побежал за ней. — Мама... — я плакал и наступал на острые осколки разбитой кружки. Мне было не больно. Я хотел к маме. — Мама! Мама!

Я мотал головой из стороны в сторону, пытаюсь остановить... Отпустить меня. Прекратить мучение, и оно резко оборвалось, когда сознание пронзило настойчивым звонком.

Я распахнул глаза.

Мой мотор истошно заходился в очередном кошмарном приступе, лупя по ушам и заглушая учащенное дыхание. Я сделал круг глазами и остановился ими на окне, за которым пантовался вид на соседнюю высотку — остекленный фасад, броская подсветка, панорамные окна... Я был в Пойме. В своей комнате и постели.

Боль в кистях тут же напомнила о себе. Мои пальцы намертво вцепились в простыни. Без понятия, как не переломал их. Медленно разжал, ощущая ломоту в суставах.

Я выпрямился и уставился в потолок. Перед тем, как уснуть, я выжрал полбутыля вискаря хоть и знал, что алкоголь — не антибиотик против моих кошмаров — они нахо-

дили меня в любом состоянии.

Телефон на прикроватной тумбочке ожил, резанув ночную концентрированную тишину громким рингтоном.

Я вытянул руку и подцепил мобилу за край. Входящий звонок принадлежал Бессонову, и, прежде чем ответить, я бросил взгляд на время — перевалило за полночь. Самый разгар субботних потех и роста нулей на расчетном счете «Бессонницы». Я редко оставался по субботам до двенадцати. Край — одиннадцать вечера, обычно во столько заканчивалось паломничество элиты, каждому из которой я обязан был персонально «вылезать зад».

Проведя ладонью по лицу и стряхнув остатки сна, принял звонок:

— Да, — мой голос прозвучал хрипло.

— Я охренеть как польщен, что ты ответил! — заорал в трубку Бессонов. — Кирилл Андреич, а не могли бы вы притащить свою задницу сюда, в «Бессонницу», а то тут ребята из «маски-шоу» устроили непередаваемое зрелище. Мать твою! Понежнее, малыш! — его голос стал отдаленным, намекая, что последняя реплика предназначалась не мне. — Короче, Кир, тут шмон. Серьезные парни требуют тебя, — сдавленно сообщил Саня.

Через пять минут я гнал по ночной неспящей Москве и насилывал номер Румянцева.

— Бери трубку, сука, — ударил я по рулю.

Румянцев Юрий Александрович, отставной полкан. В

свои шестьдесят пять он трахал двадцатилетних и сорил валютой, немалую долю которой я ему подгонял. Не за его одутловатую рожу, разумеется. Он меня крышевал. Без крыши в моем деле вообще не вариант. Двенадцать лет назад нас познакомил командир части, в которой мы с Бессоновым служили, и до последнего времени наше сотрудничество без проблем складывалось.

— Кирюша, мой мальчик, я уже не в том возрасте, чтобы бодрствовать в первом часу ночи, — салон наполнил хриплый ленивый голос полкана. — Надеюсь, ты звонишь, чтобы пожелать доброй ночи?

Хрен бы ты был мне нужен...

— Юрь Саныч, понимаете, интересные вещи, однако, творятся, — я сдерживал себя как мог. Кровь кипела, готовая вот-вот взорваться и разнести к херам любого, чье безобидное слово мне могло не понравиться. — «Бессонницу» в данную минуту ОМОН нагибает, а меня даже не предупредили, — зло процедил я. — Не порядок, Юрий Саныч.

— Не порядок, Кирюша, — тяжело вздохнул он. — Спи, — кому-то сказал.

В течение пары секунд я слушал возню и шарканье из динамиков.

— Кирилл, во-первых, ты не суетись... — его голос «проснулся» и стал тягучим и масляным, что вывело из себя окончательно.

— Не суетиться? — психанул я. — Три шмона за месяц!

Но сегодня... — я с шумом потянул воздух, — сегодня было предупреждение. Меня, твою мать, красиво так предупредили, что это не конец... это только начало конца! И если меня потащит на дно, Юрь Саныч, не обессудьте, я вас с собой потащу...

— Следи за языком, щенок! — змеей прошипел Румянцев.

— Тогда в ваших интересах сделать все, чтобы рейды по «Бессоннице» были самой большой вашей проблемой, в противном случае...

— Не смей мне угрожать, сопляк! — перебил меня озверевший полкан. — Ты, гнида...

Я не дослушал и отбил звонок.

Я знал, какие проблемы он мог мне устроить. Но они рядом не стояли с тем, какие фейерверки мог устроить я, и Румянцев был в курсе.

Пусть роет землю носом. Конкретно этим он и должен был заниматься — прикрывать заднее место «Бессонницы» от всяких проверок и внезапных гостей.

В «Бессоннице» непривычно для этого времени светло.

Освещение давало возможность оценить обстановку со стопроцентной точностью, пока пересекал быстрым шагом основной зал, который шерстили экипированные противопульными шлемами и овчарками вооруженные бойцы спецподразделения. Твою мать...

Словно наркопритон накрыли.

В моем детище никогда этой дряни не было. Ничего, что могло бы скомпрометировать меня и «столичные сливки». Они выбирали «Бессонницу», потому что она давала им приватность, убежище от папарацци и эксклюзивный продукт — шоу, которым могли похвастаться только мы.

Я в курсе, что вокруг моего ночного клуба слухов как рыбы в океане — нелепых, безумных, совершенно беспочвенных. Их большая часть искусственно создана конкурентами, но то нам только на руку — ореол загадочности уже много лет привлекает новых гостей. Нас обвиняли в организации подпольных игр, нелегального букмекерского бизнеса и даже называли местом сборища любителей свинга. Этот бред мы даже не пытались развеять, ведь, чем тише мы вели себя, тем больше молвы и интереса было вокруг нас.

Под подошвами скрипела мишура и конфетти, пока я сканировал каждого из персонала. Танцовщицы в маскарадных масках и с перьями на сосках были согнаны в одну кучу, остальные скопились у бара.

Большинство гостей уже отсутствовало. Несколько человек обыскивалось омовцами у стены. Еще с десятков — за столами. Каждый из них ментально откусывал мне голову, которую я смиренно подставлял, мысленно подбирая слова, которыми уже завтра начну оправдываться в персональном порядке. Я буду оправдываться, несомненно. Чтобы эти богатые задницы в следующую субботу тащили сюда свои день-

ги и... их собственные проблемы. Их проблемы и длинные развязные языки после пары шотов мне были нужны.

— Кирилл! — донеслось до меня справа. Я повернулся. — Это возмутительно! — всплеснул руками Данилин. Музыкальный продюсер и не самый последний человек в столице. Сумку его спутницы выпотрошили на стол. Хреново... — Что происходит? — его взгляд свирепствовал и меня линчевал.

Претензия обоснованна. Мои гости доверили мне свой отдых, статус, а я их подвел. Замедлив шаг, я натянул отточенную за годы физиономию дружелюбного порядочного пиздюка, что в сравнение не шло с моим внутренним состоянием — меня словно с петель сорвало и ветром швыряло из стороны в сторону.

— Игорь Матвеевич, я во всем разберусь. Уверен, вышло недоразумение, — мой голос уверенный. Ровный и внушительный настолько, чтобы не возникало сомнений в моем обещании. — Ужин на две персоны в любой, какой пожелаете, день за счет заведения.

Я не прекращал шаг, по пятам которого следовали два бойца в балаклавах. Меня вели к старшему, отвечающему за сегодняшний беспредел. Я нашел его и еще двоих в камуфляже, склонившимися над лежащим мордой в пол Бессоновым, в своем кабинете.

— Как грубо, — произнес я, входя и оценивая обстановку. — Я могу узнать, чем обязан столь незванным и бесцере-

монным гостям?

Голову сдавливало. Мигрень снова вилкой ковыряла мой череп.

Мужик в гражданке оторвал лицо от экрана телефона и смерил меня профессиональным взглядом. Невысокий, жилистый, под пятьдесят.

— Кирилл Андреевич... я так понимаю? — он пробежался по мне глазами-сканерами снизу-вверх, оценивая мою персону.

— Правильно понимаете. С кем имею честь? — я шагнул ему навстречу и остановился на расстоянии вытянутой руки, которую по факту не собирался пожимать.

— Майор Пахомов, — он перекатился с носка на пятку и обратно.

Выражение лица у него характерное — с глубоким отпечатком профессии. Хитрожопое и высокомерное. Авторитетное. Кричащее, что таких, как я, в рот он имел.

— Майор, как-то неприлично в чужой монастырь со своим уставом, — я задержал взгляд на скрученном Бессонове.

— А мы, Кирилл Андреич, люди далекие от веры. Мы люди системы, — усмехнулся Пахомов, но бойцам своим дал знак. Парня моего отпустили. — Был звонок, мы отработываем, — развел он руками.

— Основание? — я обошел стол и сел за него. Майору сесть не предложил, не думаю, что он в моем позволении нуждался.

— Оборот наркотических средств, психотропных веществ, их незаконное приобретение, ну и дальше по списку. Ясно.

И ожидаемо.

— Нашли?

— Ищем, — ухмыльнулся Пахомов.

Каждая мышца во мне натянулась. Я схватил теннисный мяч и сжал его до хруста пальцев, направляя в эту силу ярость, что бушевала внутри.

На входе в клуб имелась качественная рамка, система безопасности была не хуже, чем в аэропорту, но я уже и в этом не был уверен. Как и в том, что сегодня среди присутствующих или в сортире не найдется пакет с белым порошком.

Полтора часа я не находил себе места. Внешне сдержанный, внутри я выворачивал наизнанку каждого и потрошил. Не считая своих парней.

Спустя полчаса всё закончилось. Для «Бессонницы». Ничего противозаконного не нашли, но это не облегчило моего состояния.

— Ты же понимаешь, какие будут последствия? — проорал я, как только за майором закрылась дверь кабинета, и мы с Бессоновым остались одни. — А они безусловно будут. Конкретно на это и был расчет, — я шумно вдохнул. — Полная посадка, Саня. Полная, мать твою! Звонок поступил тогда, когда в «Бессоннице» было полно гостей. Завтра и половина из тех, кто у нас постоянно развлекается, не придет.

А нахрен, если по каждому анонимному звонку их будут махать мордой в пол?! Теперь здесь небезопасно. Ты понимаешь, о чем я?

— Кто угодно из присутствующих уже к полуночи знал о том, что здесь не протолкнуться. От уборщицы, до...

Мысль друга оборвалась двумя стуками в дверь.

— Можно? — в узкий проем между дверью и стеной просунулась голова Варшавской.

Мы переглянулись с Бессоновым. Он беззвучно повторил: «Кто угодно...». Явно предупреждая меня о том, чтобы я не стриг каждого под одну гребенку.

— Яна, зайди и закрой за собой дверь, — отозвался я.

— Кир... — процедил Бессонов, пока Варшавская плыла в центр кабинета на каблуках размером с Останкинскую башню.

Я наклонил голову и уставился на нее.

— Ну и ночка, — усмехнувшись, произнесла она. — Может...

— Ты первая, у кого появилась информация о полной загрузке зала, — я твердо перебил ее.

Каблуки Яны воткнулись в пол. Глаза распахнулись.

— Кир, твою мать! — процедил Бессонов.

— Это логично, ведь я лично её организовала, — уверенно произнесла Яна. — Только я не понимаю... — она замялась, мотнув головой. Ее задумчивый взгляд перескочил с моего лица на Бессонова, потом снова вернулся ко мне. — Знаете,

что... — моя помощница резко выпрямилась и уперла руки в бока, — вы оба... — она поочередно ткнула в нас пальцем, — придурки! Настоящие засранцы! Я понятия не имею, что вы мутите, но уверена, что душок за вами обоими водится, — разъярённо прошипела она. — Я работаю здесь до черта лет и, если бы в «Бессоннице» хотя бы раз всплыло дерьмо... Кир, ты меня знаешь, я бы здесь уже давно не работала. А так... мне плевать, чем вы занимаетесь ночами, ведь когда не знаешь и спишь крепче. Но то, что вы... оба... — Яна шумно вздохнула, — в чем-то подозреваете меня, это... — ее глаза заметались, будто она подбирала нужные слова, — это... А к черту! Пошли вы нахер! Оба!

Варшавская развернулась и вылетела из кабинета взбесившейся пулей, от души шандарахнув дверью.

— Ох-ре-неть... — по слогам прокомментировал Бессонов, глядя ей вслед. — У меня прям встал, — сглотнул друг.

Я тоже впечатлился. Поправил воротник рубашки. Меня словно отчихвостила воспиталка в детском саду.

Дверь снова пришла в движение, и мне показалось, что это Яна решила вернуться и добить нас с Бессоновым контрольным, но на пороге возникла незнакомая женщина.

Глава 12.

Кирилл

— Левин Кирилл Андреевич? — ее взгляд, как лассо, мастерски поймал мой.

Я кивнул.

— Доброй ночи. Позвольте войти?

Мы с Бессоновым быстро переглянулись, и друг пожал плечом, имея ввиду, что женщина ему не знакома. Мне, на первый взгляд, тоже.

— Прошу, — произнес я сдержанно, хоть и был в охренеть каком неприветливом настроении.

Незнакомка была не из числа гостей. Все разъехались, как и большая часть персонала.

Абы кому попасть в служебный коридор, если ты не боец спецназа, мало вероятно.

Среди завсегдатаев «Бессонницы» я не мог её припомнить, как и подумать, что сюда она попала случайно. Не случайно. Ее взгляд был слишком осмысленным, когда она осматривала кабинет, пока неторопливо и без суеты приближалась к столу, за которым сидели я и Бессонов.

Я тоже ее изучал: около пятидесяти, умелый макияж скрадывал пару-тройку лет. Ухоженная. Одета дорого, через левое плечо перекинут ремешок брендовый сумки.

Бесспорно, она могла быть гостьей «Бессонницы», ее

«внешний чек» позволял потянуть средний счет в моем ресторане. Но не этой ночью. Короткие, выкрашенные в темный волосы были идеально уложены, будто она пару минут назад вышла из салона.

— Присаживайтесь, — произнес я, когда женщина остановилась у стола в ожидании этого предложения.

— Благодарю, — послав мне полуулыбку и прихватив ткань длинной черной юбки, она села на край стула. Сделала это так, как подобало женщинам благородных кровей. Изящно, аристократично и дозировано: полуулыбка краем губ, лёгкий поворот головы, тон — не громкий и не тихий, взгляд... Вот здесь дела обстояли сложнее.

Ремешок сумки, уложенной на колени, обхватили ровные, ухоженные пальцы с аккуратным бесцветным маникюром. Женщина открыто рассматривала меня и не скрывала этого. Словно сравнивала мой портрет и то, что видела вживую. Я молча ждал, давая ей эту возможность. Казалось, что прежде, чем заговорить, она хотела в чем-то убедиться.

Пальцы затеребили кожаный ремешок, дыхание участилось. Верный признак того, что решение принято.

Глубоко вздохнув, она произнесла:

— Меня зовут Екатерина Федоровна Пелевина. И нет, мы не знакомы, точнее, *вы* меня не знаете... — добавила, опередив мой вопрос.

Я слегка наклонил голову.

— Рад познакомиться.

— О, не торопитесь, — женщина снова сдержанно улыбнулась. — Думаю, к концу нашей беседы вы пожалеете об этом.

Бессонов хмыкнул.

— Любопытно, — я подался корпусом вперёд и соединил ладони в замок.

Пелевина грациозно повернула голову в сторону моего начбеза и посмотрела на него так, как обычно смотрят на мешающую или ненужную вещь.

— Мы могли бы поговорить с вами наедине? — она обратилась ко мне.

Бессонов снова фыркнул и сложил руки на груди. Тон и просьба Пелевиной, несомненно, его задели.

— Смотря чего будет касаться наш разговор. — Я не пытался задавить ее авторитетом, но она на моей территории и явно проникла на нее не самым простым образом.

— Это личный вопрос, и мне бы хотелось, чтобы в случае... — женщина глубокомысленно замолчала, — чтобы остался конфиденциальным.

Оставшееся без продолжения «в случае» меня заинтриговало. Как и Бессонова, взгляд которого я почувствовал на себе.

Я перевел внимание на него. Без слов друг распознал мой посыл оставить нас наедине, и он ему не понравился. Его губы образовали тонкую линию, скрипнув стулом, он встал из-за стола со словами:

— Мне нужно вас осмотреть.

Он недоволен и не одобрял моего решения — в этом причина его бесцеремонности, когда подошел к женщине и навис над ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.